

ПРОКЛЯТИЕ РОДА:
АВЕЛИН

ТЕСВИРА САДЫГОВА

Тесвира Садыгова

Проклятие рода: Авелин

<https://litres.ru/74396043>

SelfPub; 2026

Аннотация

Празднование двадцатилетия в заброшенном особняке прабабушки обернулось для современной девушки настоящим кошмаром. Случайная находка в тайной комнате навсегда делит жизнь Авелин, на «до» и «после», перебрасывая сквозь века — прямо в суровую Англию XVI века. Очнувшись в теле своей прародительницы, она понимает, что оказалась в жестокой эпохе, где за малейшее подозрение в колдовстве безжалостно отправляют на костер.

Но она не имеет права спастись в одиночку. Души четырех ее подруг оказались заперты в мистических Камнях Душ, утерянных в прошлом. Чтобы вырвать их из плена, девушке предстоит заручиться поддержкой загадочного местного колдуна, погрузиться в пугающий мир древних тайн и столкнуться с ужасающими проявлениями темной магии.

Разделить это смертельно опасное безумие решаются двое отважных спутников. Они становятся ее мечами и щитами, но в этом союзе всё не так просто, а их чувства сплетаются в сложный, болезненный узел. Успеет ли она собрать все магические кристаллы?

Тесвира Садыгова

Проклятие рода: Авелин

Глава 1. Особняк ведьм

Раньше я никогда не задумывалась о мифах, ведьмах или древних легендах. Всё это казалось мне детскими сказками, красивой выдумкой для книг и кино. Я не верила в чудеса ровно до того момента, пока однажды всё не изменилось.

Эта история — моя. История Авелин.

Всё началось в день моего двадцатилетия. Второго сентября, две тысячи пятнадцатого года. Я решила отпраздновать его необычно. Не в моей маленькой квартире в Харнеме, тихом районе Солсбери, куда мы с семьёй переехали несколько лет назад, а в старинном фамильном особняке моей прабабушки.

Этот огромный дом стоял на южной окраине старого города, в стороне от дороги, ведущей в Харнем. За верхушками старых деревьев, в лёгкой дымке, виднелся тонкий шпиль Солсберийского собора. Особняк пустовал уже много лет.

Когда мне было двенадцать, сразу после смерти прабабушки, мы с родителями и бабушкой спешно уехали отсюда — подальше от дома, чьи стены хранили слишком много тайн.

Но этот дом... он никогда меня не отпускал. Я часто тайком приезжала сюда, просто чтобы полюбоваться его мрач-

ной красотой и строгой архитектурой.

На праздник я пригласила четырех лучших подруг: Лили, Софию, Кэтрин и Саманту. Мы запаслись вещами, планируя провести здесь несколько дней. Конечно, за годы запустения особняк покрылся пылью, поэтому накануне я наняла клининговую службу — не хотелось праздновать среди паутины.

Осень в этом году пришла рано, и воздух уже был по-настоящему холодным. Мы приехали на моем черном внедорожнике. Стоило нам выйти, как девушки замерли, разглядывая фасад.

— Господи, Авелин, какой прекрасный дом! — Лили рас-
ширила глаза от восторга. — Почему вы вообще отсюда пе-
реехали?

Я лишь пожала плечами, стараясь казаться равнодушной.

— Не знаю. Родители так решили. Сказали, что здесь по-
явилась плесень, да и содержать такой старый дом слишком
накладно.

— М-да... очень жаль, — протянула София, сделав наро-
чито грустное лицо.

Мы подхватили сумки и вошли внутрь. На первом эта-
же всё еще чувствовалась легкая сырость, несмотря на убор-
ку, поэтому мы решили обосноваться наверху. Я выбрала се-
бе бывшую комнату прабабушки — она казалась мне самой
уютной. Лили и София заняли спальню моих родителей, а
Кэтрин с Самантой расположились в старой комнате дяди.

Разобрав вещи, мы спустились, чтобы приготовить ужин,
так как уже приближался вечер. Кэтрин и Лили, наши глав-
ные кулинары, тут же захватили кухню. Я и Саманта расстав-
ляли посуду, а София, как обычно, смотрела на мир через
экран смартфона, снимая всё подряд.

Саманта, расставляя тарелки, не выдержала и с ухмылкой
повернулась к ней:

— София, ты собираешься нам помогать или так и будешь
работать оператором?

София, даже не опустив телефон, сузила глаза:

— Вообще-то я тоже делом занята. Записываю наш отдых. Будем потом пересматривать и вспоминать эти дни, ещё спасибо скажешь.

Саманта лишь закатила глаза, но улыбнулась и вернулась к сервировке. Атмосфера была легкой и праздничной, и никто из нас ещё не знал, что этот уикенд изменит наши жизни навсегда.

Вечер пролетел как одно мгновение. Ужин пришелся всем по вкусу, шампанское лилось рекой, и старый особняк, казалось, ожил от нашего смеха. Мы включили музыку на полную громкость, и пустые залы наполнились басами современных хитов. Мы танцевали до упаду, забыв обо всем на свете, чувствуя себя абсолютно свободными.

Ближе к полуночи, когда мы уже немного выдохлись, но спать никому не хотелось, София вдруг хлопнула в ладоши, требуя внимания. Она всегда была душой нашей компании — артистичная, звонкая, вечно сующая свой нос куда не следует. Ей просто физически было необходимо какое-то действие.

— Девочки! — глаза Софии блестели от азарта и выпитого шампанского. — Мы в огромном старинном особняке, на часах двенадцать ночи, а мы сидим в гостиной? Это преступление! Давайте устроим экскурсию. Я хочу заглянуть в каждый угол!

Возражать Софии было бесполезно, да и, честно говоря, идея показалась девочкам заманчивой, так как днем они тол-

ком не успели осмотреть особняк. Мы включили свет в длинных коридорах и двинулись в путь, хихикая и пугая друг друга тенями, которые отбрасывали старинные статуи.

Мы обошли почти весь второй этаж, заглядывая в пустые гостевые, и в конце концов дошли до моей спальни.

Это была особая комната. Раньше она принадлежала моей прабабушке, в честь которой меня и называли — Авелин. Две Авелин, разделенные временем, но объединенные одной комнатой. Мне всегда казалось, что здесь даже воздух другой — более плотный, пахнущий сухими травами и старой бумагой.

Мы вошли внутрь. Я щелкнула выключателем, и старая хрустальная люстра под потолком мигнула, заливая комнату мягким желтоватым светом.

Я подошла к окну, чтобы взглянуть на полную луну, которая была особенно прекрасна в эту ночь. София же, не способная устоять на месте ни секунды, продолжила осматривать мебель. Она остановилась у массивного, почти черного деревянного шкафа. Он был по-настоящему древним, покрытым искусными резными узорами.

София приложила ладонь к его боковой стенке.

— Девочки, идите сюда! — позвала она нас возбужденным шепотом. — Вы чувствуете?

— Что чувствуешь? — спросила Лили.

— Мне кажется, что из-за него тянет сквозняком! — София прищурилась, придвигаясь ближе. — Прямо оттуда веет

холодом. Словно там есть щель, и за ней — какое-то открытое пространство.

Естественно, первой отреагировала Кэтрин. Она всегда была полной противоположностью Софии: осторожная, недоверчивая, она панически боялась всего, что выходило за рамки её зоны комфорта.

— Софи, это просто старый дом. Сквозняк идет из-под двери или из щелей в полу, — отрезала Кэтрин, отступая на шаг и нервно оглядываясь. — Прекрати нас пугать.

— Нет, Кэти, я точно чувствую, что дует прямо из-за него, — настаивала София, приложив ухо к дереву. — Надо посмотреть!

Я подошла ближе. Приложила ладонь к холодной древесине и почувствовала то же самое. Холодный, тонкий поток воздуха, словно чье-то дыхание из темноты, просачивался сквозь узкую щель.

— Она права, — сказала я, и мой голос прозвучал неожиданно твердо. — Оттуда действительно дует.

Кэтрин же оставалась непоколебимой.

— Ну и что? — прошипела она. — Мы же не будем двигать этот шкаф? Он весит тонну, и я вообще не хочу знать, что там!

— Ну же, Авелин! — София схватила меня за руку, её глаза горели от любопытства. — Это же приключение! Как мы потом будем рассказывать, что нашли семейный тайник, но струсили его открыть? Авелин, это твой дом, твой день

рождения!

Её слова подействовали на всех. Лили и Саманта тут же загорелись идеей. Кэтрин осталась стоять в дверях, скрестив руки на груди и всем видом показывая, что она ни при чем. Но я уже не обращала на неё внимания.

— Ладно, девушки, — скомандовала я. — Лили, ты с этой стороны. Саманта, вы с Софией толкайте посередине. Приготовились. Раз, два, взяли!

Шкаф заскрипел так, словно тысячи жуков прогрызали его изнутри. Он был невероятно тяжелым. Мы уперлись ногами в пол; мышцы напряглись до предела. Но, благодаря совместным усилиям, древняя мебель начала отходить от стены. Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром.

Когда шкаф сдвинулся достаточно, чтобы открыть проход, мы замерли. В пространстве, которое раньше было скрыто от глаз, оказалась не просто ниша, а очень старая потайная дверь. Она была сделана из почерневших от времени грубых досок и плотно, наглухо закрыта. Холод, который просачивался из-под неё, стал сильнее и ощутимее.

Мы все уставились на этот жутковатый проем. Ни ручек, ни замочной скважины — словно кто-то хотел навсегда замуровать то, что находится внутри.

Кэтрин сделала еще один шаг назад. В теплом свете люстры её лицо выглядело неестественно бледным.

— Нет, нет, нет, — прошептала она, нервно тряхнув головой. — Мне это совсем не нравится. Давайте просто по-

ставим шкаф на место и уйдем. Ну... девочки, не нужно нам это.

— Что? И потерять такой шанс? Ты шутишь, Кэти? — фыркнула София. — Это же настоящее открытие! — Она тут же повернулась ко мне: — А тебе не интересно, Авелин? Что же там прятала твоя прабабушка?

Несмотря на ледяной холод, тянувший из проема, любопытство взяло верх над страхом.

— Конечно, интересно, — призналась я. — Не для того же мы этот шкаф двигали.

— Вот! — София торжествующе развела руками. — Значит, открываем! Но чем? Она наглухо заколочена. — Она осмотрелась по сторонам: — Может, в кладовой есть что-то? Я сейчас быстро схожу вниз, принесу какой-нибудь инструмент, и мы её вскроем!

— Нет! Софи, стой! — Кэтрин практически взмолилась, её голос дрожал. — Ты что, с ума сошла? Нам не нужно это сегодня! Вдруг там что-то... спрятано? Давайте лучше сделаем это завтра утром, при свете дня. Пожалуйста!

Я понимала Кэтрин, но азарт, который зажгла во мне София, был сильнее. Ждать до утра, зная, что за этими заколоченными досками лежит какая-то тайна, казалось пыткой.

— Мы не будем ждать, — решительно сказала я, глядя на темные доски. — Софи права. Мы должны узнать, что там. София тут же расцвела:

— Ура! Я знала, что ты со мной!

— Лучше искать в сарае, он позади дома, у заросшего сада. Инструменты должны быть там, — сказала я. — Пойдем вдвоем. Остальные остаются здесь, у двери.

Кэтрин всплеснула руками:

— Одной меня здесь не оставляйте!

— Не оставим. Вы останетесь втроем, — успокоила я её.
— Просто ждите нас здесь, не уходите от этого места.

Лили и Саманта кивнули: их любопытство явно перевесило страх. Они сели на пол у подножия сдвинутого шкафа, не спуская глаз с потайной двери. Кэтрин, надувшись, присела рядом, но держалась подальше от проема, из которого по-прежнему тянуло ледяным сквозняком.

— Пошли, Авелин! Чем быстрее сходим, тем быстрее узнаем! — поторопила меня София.

Мы выбрались из комнаты и пошли вниз, поскрипывая половицами старой лестницы. Дом был огромен, и каждый наш шаг отдавался гулким эхом. Входная дверь поддавалась с трудом, выпуская нас в холодную осеннюю ночь. Над головой висела огромная луна, но её света хватало лишь на то, чтобы подчеркнуть черноту теней. Ощущение было такое, словно мы покидаем крепость и выходим на враждебную территорию.

— Сарай вон там, — прошептала я, указывая на темный покосившийся силуэт в конце сада.

Мы двинулись вперед, в темноту. Это был обычный, ничем не примечательный деревянный сарай, пропахший сы-

ростью и старым деревом. Ничего зловещего. Мы быстро нашли то, что искали: тяжелый лом и молоток. Обратный путь занял еще меньше времени, и вскоре мы уже вернулись на второй этаж.

Лицо Кэтрин было белым как мел. Лили и Саманта выглядели напряженными: они не отходили от проема, затаив дыхание.

— Открываем! — выдохнула я, перехватив поудобнее лом.

Вместе с Софией мы начали работать. Звук металла, скрежещущего по старому дереву, был невыносим. Каждый удар отдавался гулким эхом в пустом особняке. Гвозди сидели намертво, словно кто-то хотел запечатать эту тайну навечно.

После нескольких долгих, трудных минут, которые показались вечностью, доски наконец поддались. Раздался громкий треск, и заколоченная секция рухнула внутрь, подняв густое облако вековой пыли.

Закашлявшись и отмахиваясь от нее, мы заглянули в проем. Из него потянуло еще более сильным, поистине могильным холодом. Внутри царила абсолютная, непроглядная темнота. Свет из спальни едва касался порога этой тайной комнаты.

— Ну, что там? — одними губами спросила Лили.

— Темно, — ответила София и достала телефон. — Включаем фонарики.

Мы с Софией протиснулись внутрь, освещая путь. За две-

рю оказалась большая, на первый взгляд совершенно пустая комната. Стены были голые, каменные, без какой-либо отделки. Казалось, здесь не было ничего, кроме темноты и пляшущих теней, которые отбрасывали лучи наших фонарей.

Но это было не совсем так.

На противоположной стене, прямо по центру, висел огромный портрет. По обеим сторонам от него в старинных бронзовых держателях возвышались две толстые восковые свечи. А прямо под картиной покоился массивный деревянный сундук.

Внутри у меня что-то сжалось. Мы подошли ближе. Свет выхватил из мрака лицо женщины. Она была изображена в одежде совершенно другой эпохи: высокий воротник, пышная юбка, сложная, неестественная прическа.

София первой направила яркий луч своего телефона прямо на лицо незнакомки.

Мы все ахнули. Одновременно, в один голос.

Женщина на портрете была невероятно, пугающе похожа на меня. Это казалось невозможным, но это было правдой. Те же рыжие волосы, те же серые, словно с голубым отливом глаза, тот же овал лица и даже та же самая маленькая родинка у уголка губ. Это была моя точная копия.

Моя прабабушка тоже была рыжей, но она выглядела совершенно иначе. Это была не она.

Я стояла в полном оцепенении, разглядывая свое собственное лицо, запечатленное на холсте. Я видела не род-

ственницу, которую знала, а совершенно неизвестную мне женщину из далекого прошлого. Кем она была? И почему выглядела в точности как я? Мой разум отказывался это принимать.

Мы замерли посреди сырой, холодной комнаты, не в силах оторвать глаз от портрета.

— Девочки... это ненормально, — прошептала Кэтрин, жмясь к дверному проему, куда еще падал спасительный свет из спальни. — Мне это совсем не нравится. Пожалуйста, Авелин, давай заколотим дверь обратно и вернемся. Нам здесь не место.

— Заколотить? Ты с ума сошла? — София, напротив, вся светилась от нездорового возбуждения.

Я подошла к сундуку, освещая его фонариком телефона.

— Он запечатан, — констатировала я. — На нем нет ни навесного замка, ни замочной скважины.

— Значит, мы его взломаем! — София решительно перехватила лом.

Кэтрин издала нервный вскрик:

— Нет! Не смей! Вдруг это какая-то черная магия? Вдруг там проклятие?!

Я посмотрела на Кэтрин, чье лицо исказилось от паники.

— Хватит, Кэтрин! Ты ведешь себя как маленький ребенок, — жестко одернула ее я, забирая лом из рук Софии. Я должна была сделать это сама. — Прекрати паниковать! Здесь нет ничего магического. Вся эта мистика — просто

сказки, магии не существует. Наверняка эта женщина — мой дальний предок, на которую я случайно оказалась так похожа. Обычная генетика. А в сундуке хранятся просто старые вещи.

Я подняла лом, примериваясь к узкой щели между крышкой и тяжелым корпусом сундука. А затем резко опустила его, вложив в этот удар всю свою силу.

С громким, оглушительным треском, который раскатистым эхом разнесся по пустым залам, крышка поддалась. Древнее дерево раскололось, и в нос тут же ударил густой, терпкий запах: затхлость, старый лен, сухие травы и что-то еще... невыразимо чужое.

Мы склонились над сундуком, подсвечивая его содержимое. Внутри покоились старинные вещи. По состоянию ткани и крою нарядов эти предметы, без сомнения, относились к очень давним временам — возможно, к пятнадцатому или шестнадцатому веку. Здесь лежали платья из истлевшего шелка, пожелтевшие кружева, которые, казалось, готовы были рассыпаться в прах от одного прикосновения, и какие-то мелкие, непонятные безделушки.

Водя лучами фонариков по этому вороху вековой пыли и тканей, мы вскоре наткнулись на два предмета, которые явно выделялись на общем фоне: небольшую резную шкатулку и нечто, плотно завернутое в толстый кусок темного льна.

София тут же потянулась к сундуку.

— Вот оно! Я же говорила! — её голос дрожал от нетер-

пения. — Обыкновенные вещи, да, Авелин? Интересно, что же это?

Лили и Саманта склонились над сундуком рядом с нами, а Кэтрин, несмотря на свой страх, всё же подобралась чуть ближе, чтобы не пропустить ни секунды.

Я осторожно взяла сверток в руки. Скинув старую, пыльную ткань, я увидела Книгу.

Она была огромной и очень толстой, закованной в старый переплет из темно-коричневой кожи. Углы фолианта защищала потертая медь, а по центру обложки были вытиснены причудливые узоры, похожие на магические символы. Едва взяв её в руки, я ощутила невероятную тяжесть и странную, нездоровую прохладу — словно эта вещь долгие столетия пролежала в сыром подземелье.

В этот момент Кэтрин, чей немигающий взгляд был прикован к фолианту, заговорила, и в её голосе звенел отчаянный страх:

— Авелин, пожалуйста, остановись. Ты действительно уверена? Может быть, ты подумаешь еще раз? Может, не стоит этого делать? Я знаю, что ты не веришь в магию, но я верю, и мне ужасно страшно!

Я знала, что она права в одном: я действительно не верила. Но её слова лишь подхлестнули мое упрямство. Мой мозг требовал немедленных доказательств того, что это просто старинная, дорогая, но абсолютно обычная книга. И единственный способ доказать это — открыть её.

— Раз уж мы не стали медлить с сундуком, не станем тянуть и с книгой, — отрезала я.

София стояла рядом, не говоря ни слова, но её блестящие глаза просто кричали: «Открой немедленно!»

Я не стала больше ждать. Мои пальцы подцепили тяжелый край обложки.

— Авелин, пожалуйста! — взмолилась Кэтрин.

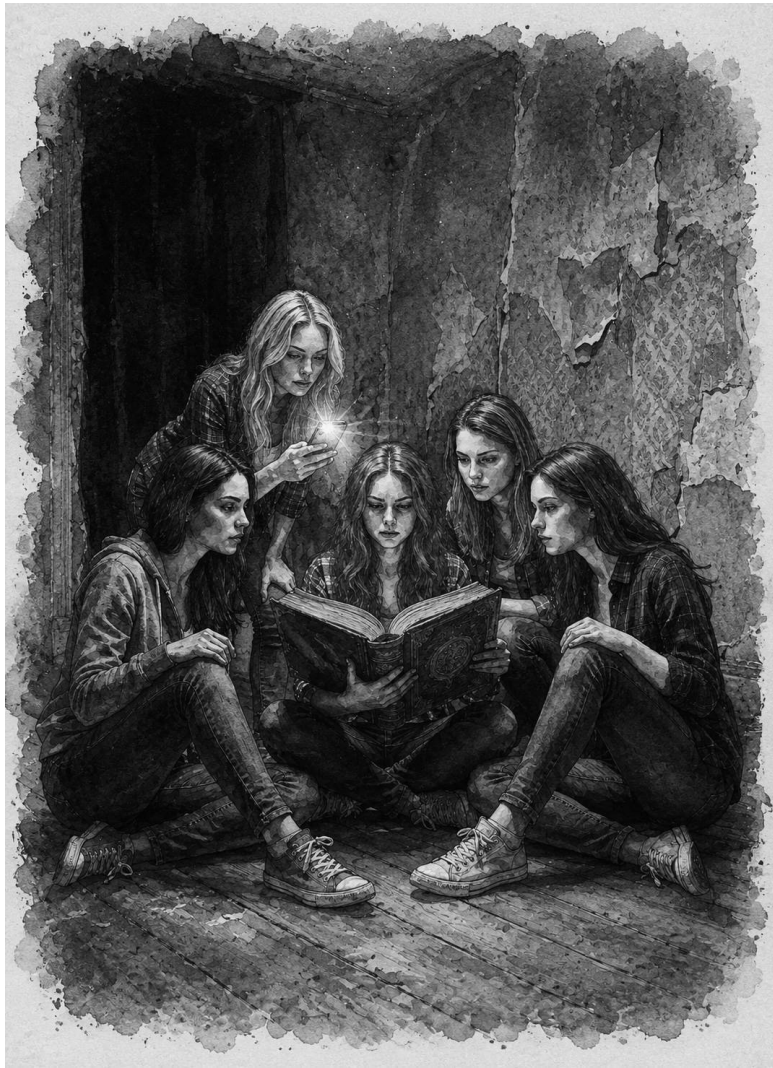
Лили и Саманта тут же подошли к ней. Мягко взяв за плечи, они усадили её прямо на пол, пытаясь успокоить.

— Ну, тише, Кэти, успокойся, — проговорила Лили.

— Тут правда нет ничего такого, — подхватила Саманта.
— Просто старые, пыльные вещи. Нам ведь любопытно, что это за книга. Мы просто собрались вместе повеселиться, вот и всё!

Кэтрин лишь молча качала головой, не в силах оторвать взгляда от фолианта.

Я проигнорировала мольбу и, наконец, медленно открыла Книгу. Она была слишком тяжелой, чтобы держать её на весу. Я опустилась на пол, скрестив ноги, и положила массивный том прямо перед собой. Кожаный переплет протяжно скрипнул, словно недовольный тем, что его вековой сон потревожили.

Девушки тут же окружили меня плотным кольцом. Даже Кэтрин, на секунду забыв о своих страхах, медленно подвинулась ближе и замерла рядом, вытягивая шею. Любопытство — страшная сила, оно способно победить даже самый сильный инстинкт самосохранения.

София встала так, чтобы луч её фонаря падал прямо на страницы, выхватывая их ярким пятном из окружающей нас темноты.

Никому из нас в тот момент даже не пришло в голову просто взять фолиант и уйти с ним в освещенную спальню. Мы были настолько заморожены происходящим, что здравый смысл, казалось, отключился напрочь.

— Ну же, — прошептала София. — Читай.

Я перевернула тяжелую обложку. Форзац был пустым, лишь пожелтевшим от времени. Я перелистнула еще одну страницу, и мы все дружно выдохнули.

Книга была заполнена плотным, убористым текстом и множеством рисунков. Но это были не обычные иллюстрации. На старой бумаге выцветшими чернилами были выведены подробные изображения странных растений, сушеных трав и цветов. Некоторые из них я узнавала — белладонна, аконит, — но другие выглядели совершенно фантастически, словно росли не на этой земле. Рядом с ними красовались схемы: котлы, перегонные кубы, фазы луны и сложные гео-

метрические символы, сплетающиеся в причудливые узоры.

— Это похоже на рецепты, — прошептала Лили, водя пальцем по рисунку какого-то корня. — Смотрите, тут показано, как его резать и варить. Это зелья.

— Ага, только прочитать невозможно, — заметила Саманта, щурясь. — Что это за язык?

Текст был написан красивым, заостренным почерком, но буквы были мне совершенно незнакомы. Это была не латынь, не греческий и уж точно не румынский. Странные закорючки, руны и символы, которые, казалось, начинали плясать перед глазами, если смотреть на них слишком долго.

— Шифр? — предположила София. — Или какой-то мертвый язык?

Мы смотрели на страницы, замороженные и сбитые с толку. Книга явно была справочником травницы или... ведьмы? Но для нас она оставалась лишь набором красивых картинок и бессмысленных символов.

И вдруг случилось странное. Я смотрела на страницу и искренне не понимала, в чем проблема. Буквы, которые секунду назад казались пляшущими закорючками, вдруг обрели четкость. Они перестали быть хаосом и выстроились в знакомые, понятные слова. Это было так же естественно, как читать утреннюю газету на английском.

— Ну вот же, — сказала я, тыча пальцем в абзац под рисунком фиолетового цветка. — Тут написано про «Эликсир забвения». Смотрите: «Чтобы стереть печаль и унять трево-

гу, возьмите три унции сушеного лунного корня, разотрите его в медной ступке и добавьте каплю росы...»

Я подняла голову, ожидая, что девочки кивнут, но вместо этого наткнулась на стену мертвого молчания.

София смотрела на меня, широко распахнув глаза. Фонарь в её руке дрогнул, и тени судорожно метнулись по стенам.

— Авелин... — прошептала она. — Ты знаешь, что там написано? Ты... ты знаешь этот язык?

Я нахмурилась:

— В смысле? А что тут непонятного? — я пожала плечами, снова глянув в книгу. — Тут всё нормально написано. Просто почерк немного витиеватый, но вполне разборчивый. Вы что, серьезно не видите?

И тут Кэтрин, сидевшая рядом, резко вскочила на ноги, отшатнувшись от меня как от прокаженной.

— Ты издеваешься?! — её голос сорвался на визг, эхом отразившись от каменных стен. — Авелин, если это шутка, то она ни черта не смешная!

Я удивленно моргнула.

— Кэти, о чем ты?

— Да о том! — она ткнула дрожащим пальцем в книгу. — Там же сплошные каракули! Там ничего не понятно! Откуда ты можешь знать этот язык?! Ты всё это подстроила, да? Заранее выучила какой-то текст, притащила нас сюда, нашла эту дурацкую комнату, чтобы поиздеваться над нами?!

Её глаза наполнились слезами первобытного страха и зло-сти.

— Скажи честно, это пранк? Где скрытая камера? Потому что мне реально страшно, Авелин!

Я растерянно переводила взгляд с Кэтрин на книгу. Для меня текст оставался ясным и кристально понятным. Но ужас в глазах подруг был настоящим.

Прежде чем я успела что-то возразить, вмешалась София.

— Кэтрин, хватит! — резко оборвала её она, направляя луч фонаря то на неё, то на меня. — Ты ведешь себя как сумасшедшая, честное слово! Господи боже мой, тебе двадцать лет, а ты устроила истерику из-за старой книжки. Прекрати немедленно!

Лили и Саманта тоже встали на мою сторону, успокаивающе положив руки на вздрагивающие плечи Кэтрин.

— Кэти, ты правда всё преувеличиваешь, — мягко, но настойчиво сказала Саманта. — Ну, прочитала она и прочитала. Не надо искать подвох там, где его нет.

— Возможно, это просто какой-то диалект или старая латынь, — подхватила Лили, стараясь звучать максимально рассудительно. — Авелин хорошо училась, может, она видела такие символы в исторических книгах или у своей бабушки в детстве?

— Точно! — кивнула София. — У всего есть логическое объяснение. Может, это семейный шифр, который она запомнила на подсознательном уровне. Авелин не издевается

над тобой, она сама удивилась. Успокойся. Мы просто сидим в старой комнате и смотрим картинки. Никакой мистики.

Кэтрин шмыгнула носом, вытирая слезы, и виновато посмотрела на меня. Объяснения подруг звучали откровенно натянуто, но ей явно до одури хотелось в них поверить, лишь бы перестать бояться.

— Ладно... — пробурчала она. — Извини, Авелин. Просто... нервы. Этот дом, темнота...

— Всё в порядке, — тихо ответила я, хотя внутри у меня всё еще было беспокойно. Я-то точно знала, что никогда не учила подобных языков. Но пугать Кэтрин снова мне совершенно не хотелось.

София, довольная тем, что погасила панику в зародыше, снова повернулась ко мне с горящими глазами.

— Ну, раз мы выяснили, что ты у нас полиглот, — усмехнулась она, — читай дальше! Что там еще есть, кроме эликсира забвения? Есть что-нибудь повеселее?

Я послушно перевернула несколько пожелтевших страниц, делая вид, что ищу рецепт «повеселее», хотя сердце колотилось как сумасшедшее. Я изо всех сил старалась сосредоточиться на тексте и не спровоцировать новую истерику.

И тут я замерла.

Страница, на которой остановился мой взгляд, резко отличалась от предыдущих. Если раньше шли сплошные зарисовки трав и схемы алхимических процессов, то здесь был узор, занимающий почти весь лист. Сначала я подумала, что

это просто сложный геометрический чертеж, но в следующую секунду разглядела суть: это была большая, жирно выведенная чернилами пентаграмма. Она была вписана в идеальный круг, а линии её пересечения украшали мелкие, тревожные символы.

София тут же нагнулась через мое плечо, и её возбужденный шепот разрезал тишину:

— Ого! Смотри! Это что, магический круг? Кажется, у твоей прабабушки было очень интересное хобби, Авелин!

Кэтрин, стоявшая чуть поодаль, вскрикнула, как ужаленная:

— Я же говорила, что здесь что-то нечисто! Это черная магия!

Лили и Саманта, напротив, приблизились, разглядывая рисунок с любопытством, смешанным с очевидной тревогой. Даже Лили, самая высокая и невозмутимая из нас, мрачно нахмурилась, глядя на пугающий символ.

Я проигнорировала их всех. Мой взгляд намертво сфокусировался на том, что было написано под пентаграммой. Там, в самом низу страницы, были четко выведены инструкции.

Я не отрывала глаз от страницы. Мой разум автоматически переводил пугающие символы, и от прочитанного кровь стыла в жилах. Под огромным узором пентаграммы был детально расписан Ритуал Призыва Предка.

Я чувствовала на себе напряженные взгляды подруг. Они

стояли словно замороженные, их фигуры застыли в слабом свете фонарей, точно мраморные статуи в ночном особняке. Они ждали, когда я наконец прерву тишину.

— Авелин! Что там написано? — София, самая нетерпеливая из нас, не выдержала и толкнула меня в плечо. — Не томи! Мне чертовски интересно, это же настоящая магия, да?

Я ответила не сразу. Я продолжала опустошенно смотреть в книгу, мозг отказывался обрабатывать информацию. Глубоко внутри я отчаянно цеплялась за реальность:

«Это же бред! Я не хочу в это верить! Моя прабабушка не могла быть ведьмой или колдуньей. Наверняка это обыкновенная, очень старая книга с жуткими картинками, и не более того!»

Я моргнула, отгоняя наваждение, и в этот момент на меня вновь обрушилась реальность: возбужденное лицо Софии и на смерть перепуганное — Кэтрин. Они ждали. Я должна была принять решение, даже если не верила в последствия.

Я подняла глаза от книги, и мой собственный голос показался мне тихим и чужим:

— Тут... тут описан ритуал. Чтобы призвать предка из прошлого. Для этого нужны определённые предметы.

София в буквальном смысле подпрыгнула на месте, её глаза горели ярче любого фонаря.

— Давай сделаем это! Давай попробуем! Как же это интересно!

— Ты что, с ума сошла, София?! — Кэтрин, чьё лицо ещё сильнее побледнело от ужаса, резко повернулась к ней.

София закатила глаза:

— Кэтрин, ей-богу, ты мне уже надоела! Какая же ты зануда! Тут нет ничего необычного. Мы просто веселимся, как в детстве. Давайте попробуем это чисто из любопытства.

Я снова сфокусировала взгляд на странице. Инструкции были четкими и пугающе конкретными. Я начала монотонно переводить древние слова, пока подружки ловили каждое мое слово:

— Прежде всего, нужно начертить на полу большую пентаграмму. Ещё нужны пять очень специфических камней: лабрадорит, сердолик, хризолит, лазурит и селенит. Каждый камень нужно положить на один из лучей звезды. В самом центре круга должна лежать эта книга, а рядом с ней нужно зажечь три чёрные свечи. — Я подняла взгляд на подруг. — Дальше требования становятся страннее. Для ритуала нужны пять заклинательниц. Они должны встать перед каждым камнем и взяться за руки, но особым образом: руки должны быть скрещены крест-накрест. А само заклинание должно прочитать призывательница рода.

София пришла в полный восторг.

— О-о-о! Как интересно всё продумано! А где мы возьмем эти камни и чёрные свечи?

В этот момент Кэтрин снова взорвалась:

— Девочки, давайте оставим это! Это уже не смешно! Это

не игра!

На этот раз вмещалась и Лили. Её спокойный, рассудительный тон звучал как всегда убедительно.

— София, Авелин, мне кажется, Кэти права. Может, всё-таки не стоит? У меня от всего этого очень дурное предчувствие.

Но София не дала мне времени на раздумья. Она подошла сзади и горячо сжала мои плечи.

— Ну же, Авелин, давай! Что может произойти? Мы просто проведем какой-то дурацкий ритуал, и всё!

В ответ на эти слова Кэтрин лишь покачала головой. Она отступила к стене и скрестила руки на груди, всем своим видом показывая абсолютную непоколебимость.

Я глубоко вдохнула и сдалась. Ужас перед неизвестным окончательно проиграл любопытству.

— Ладно, девочки, хватит вам! — решительно сказала я.
— Давайте сделаем это.

Услышав моё согласие, девушки тут же оживились и как по команде повернулись к Кэтрин. Они принялись наперебой её уговаривать, но та стояла на своем.

— Нет. Не хочу. Я верю во всю эту магию и не собираюсь делать ничего, что может нам навредить! — жестко отрезала она.

Но София не сдавалась. Она шагнула к ней, крепко обняла и звонко поцеловала в щёку.

— Ну пожалуйста, Кэти! Ну ради нас! Ничего не случит-

ся, я тебе обещаю!

После долгих уговоров Кэтрин наконец не выдержала. Она тяжело, обреченно вздохнула и сдалась.

— Ладно, — пробурчала она. — Но больше мы ничего делать не будем! Только это, и всё.

София радостно захлопала в ладоши и ещё раз чмокнула Кэтрин в щеку в знак благодарности.

И тут в наступившей тишине Саманта, которая всё это время просто внимательно слушала, вдруг задумчиво нахмурилась.

— Так, подождите, — вмешалась она. — Ведь в книге написано, что нужны заклинательницы и призывательница рода.

София тут же её перебила, воодушевленная своей догадкой:

— Ну, судя по портрету и всему, что мы тут нашли, призывательницей, очевидно, должна быть Авелин! Она принадлежит к этому роду, она точная копия женщины с картины. Всё сходится на Авелин.

Лили, всегда рассудительная, озвучила новый, вполне логичный вопрос:

— Хорошо, допустим, Авелин — призывательница. Но мы-то? Какие из нас заклинательницы? Мы не родственницы Авелин, и, насколько я помню, в моей семье никто колдовством не увлекался.

Видя, что спор о реальности происходящего вот-вот

вспыхнет с новой силой, я поспешила его прервать, пока Кэтрин не передумала.

— Девочки, хватит. Просто сделаем это, — твёрдо сказала я. — Я не ведьма, и вы тоже. Мы обыкновенные девушки, которые просто собираются поэкспериментировать со старой книгой и заклинанием.

Наконец, когда философский диспут был свернут и все согласились на этот «эксперимент», в комнате повисла прагматичная тишина.

— Хорошо, — нарушила её София. — А где, собственно, взять те вещи, которые нужны для ритуала?

— Давайте посмотрим, что ещё осталось в сундуке, — предложила Лили.

Тут мы вспомнили про небольшую, искусно сделанную шкатулку, которую нашли на дне вместе с фолиантом. Она была вырезана из тёмного дерева с инкрустацией из кости и казалась слишком изящной для простого тайника.

Лили осторожно открыла её. Внутри оказались три толстые чёрные свечи и коллекция камней, бережно завернутых в ветхую, выцветшую ткань.

— Саманта, подойди, пожалуйста! — позвала Лили. — Посмотри, это ли те самые камни? Ты же хорошо разбираешься в минералах.

Саманта склонилась над шкатулкой и внимательно изучила содержимое.

— Да, это они, — подтвердила она, едва бросив взгляд на

границ. — Но... — она нахмурилась, пересчитывая их. — Тут только четыре камня.

— Какого не хватает? — спросила я.

— Лабрадорита, — ответила Саманта. — В книге же написано, что нужно пять.

София тут же отреагировала, полная решимости:

— Давайте поищем!

Её взгляд заметался по комнате, пока луч фонаря не остановился на портрете моего предка — той самой женщины, так пугающе похожей на меня.

— Девочки, смотрите сюда! — София направила свет прямо на шею незнакомки. — На ней кольцо! Амулет! И в него, кажется, вправлен камень.

— Очень похоже на лабрадорит! — прищурившись, воскликнула Саманта.

И тут в моей голове словно что-то щёлкнуло — яркая, внезапная вспышка узнавания.

— Стоп! Я знаю, где он! — крикнула я и, больше ничего не объясняя, выскочила из тайной комнаты обратно в спальню.

Схватив свою сумку, я принялась лихорадочно рыться в ней в поисках ключей от машины. Вытряхнув половину содержимого прямо на кровать, я наконец нащупала связку и победоносно подняла её над головой. На металлическом кольце, побрякивая рядом с брелоком от автосигнализации, висел тот самый камень в потемневшей оправе. Я мигом мет-

нулась обратно.

— Вот, смотрите! — тяжело дыша, я протянула связку подругам.

Саманта молча забрала её у меня. Она осторожно поднесла амулет к свету фонаря, и гладкий камень словно вдружил, таинственно вспыхнув глубокими сине-зелеными переливами.

— Да, это он... — заворуженно выдохнула Саманта. — Это и есть лабрадорит!

София уставилась на камень, и её глаза округлились от возмущения:

— Ты сделала из древнего артефакта побрякушку для ключей?! Seriously, Авелин?!

— Да откуда мне было знать, что он так важен?! — начала защищаться я. — Он просто валялся среди всякого хлама в прабабушкиных вещах — обычный кусок старого колье. Он показался мне красивым, вот я и повесила его на ключи, на память!

— Ну, девочки? — поторопила нас Лили. — Мы будем это делать или нет?

Молча кивнув, мы немедленно приступили к подготовке. Я забрала связку из рук Саманты. Подцепив ногтем тугое металлическое кольцо, осторожно, стараясь не повредить темную оправу, высвободила амулет. Привычным движением расстегнула на шее тонкую серебряную цепочку и сняла свой крошечный повседневный кулон, спрятав его в карман.

На его место я бережно продела ушко старинного артефакта.

Едва раздался тихий щелчок застежки и холодный металл коснулся моих ключиц, по коже пробежала едва уловимая дрожь. Камень словно потеплел, отзываясь на биение пульса.

Затем я вышла из комнаты, чтобы отыскать мел — к счастью, в кладовой нашёлся подходящий кусок. Вернувшись, я тщательно начертила на полу большую пентаграмму, сдерживая дыхание, чтобы рука не дрогнула и линия не сорвалась.

Когда рисунок был готов, мы принялись за расстановку. Камни — сердолик, хризолит, лазурит и селенит — заняли свои места на четырех лучах звезды. Я же встала у пятого. Положив Книгу в самый центр, мы зажгли три чёрные свечи. Их слабый, нервный свет тревожно задрожал в густой темноте.

Пришло время. Мы вытянули руки и взяли за ладони друг друга крест-накрест, надёжно замыкая круг. Я почувствовала горячие, вспотевшие пальцы Саманты и Лили.

И тут Кэтрин, чьё тело была мелкая дрожь от напряжения, прервала тишину отчаянным шёпотом:

— Девочки... может, всё-таки не надо? Я очень боюсь...

София крепко сжала её руку.

— Хватит, Кэти. Всё будет хорошо, — прошипела она низким, резким голосом.

«Господи, что я делаю? — пронеслось у меня в голове. — Почему я не могу просто остановиться?»

Но внутри меня словно что-то горело, невидимой, непреодолимой силой притягивая к этой мрачной тайне.

Я сделала глубокий вдох. Затем посмотрела на Книгу и, сосредоточившись, медленно начала читать заклинание на древнем языке. Слова лились сами собой, резонируя с камнем на моей шее:

Aru'thena velar,
Mira eshTal dorain,
Sereth am varu,
Lora'nai shidar,
Erum thal'venor...
Kara el'ath miren,
Vorai na'thar ANCESTRA!

Девушки зажмурились. Чем ближе я подходила к концу, тем сильнее становилось напряжение.

На последнем слове я почувствовала, как в комнату ворвался ледяной, неестественный ветер, не имевший никакого источника. Он был подобен глотку могильного холода, пробирающего до костей. И в тот же миг пламя на свечах вспыхнуло зловещим фиолетовым светом.

Кэтрин резко распахнула глаза. Увидев холодный вихрь и лиловые языки пламени, она сорвалась:

— Господи, что происходит?! — закричала она, и её паника мгновенно передалась остальным.

Я сама не понимала, что творится, но что-то намертво удерживало меня на месте. Видя этот ужас, я должна была

закричать и броситься прочь, оставив всё и всех. Но вместо этого я лишь замерла, словно в ожидании неизбежного.

Всё произошло за считанные секунды. Кэтрин в отчаянии выдернула руки из захвата Софии и Лили.

В тот момент, когда замкнутая цепь была разорвана, Книга начала бешено перелистывать страницы сама собой. Ветер превратился в бешеный порыв, в одно мгновение сдувший все ритуальные свечи. А затем фолиант резко захлопнулся с оглушительным, металлическим звуком.

В то же мгновение меня пронзило дикое головокружение. Ледяной холод сменился внезапной, абсолютной темнотой в глазах. Звуки стали глухими, каменные стены поплыли перед глазами. Я почувствовала, как мои ноги подкашиваются, и весь мир вокруг меня стремительно обрушился в спасительную пустоту.

Глава 2. Отражение прародительницы

Сколько времени прошло, сказать было сложно. По ощущениям казалось, что я пролежала тут целую вечность. Голова гудела, а виски пульсировали тупой, нарастающей болью. Я открыла глаза и тут же ощутила под собой не холодный, покрытый пылью пол, а мягкое, ворсистое тепло ковра.

Я резко села, и это было ошибкой: мир качнулся, но шок от увиденного заставил меня проигнорировать головокружение. Я мгновенно узнала очертания комнаты, но совершенно не узнала её наполнение.

Это было то же самое потайное помещение, но теперь оно выглядело совершенно живым. Никакой пыли, никакой пустоты. Стены, которые еще недавно были голыми каменными глыбами, теперь скрывались за высокими шкафами из резного дерева; появилось небольшое окно, а воздух был плотным от терпкого запаха сухих трав и зелий. На полу не было ни единого следа меловой пентаграммы.

«Нет, это не может быть просто сном, — прошептала я, стискивая зубы. — Всё это слишком реально».

Осматривая комнату, я вдруг перевела взгляд на свои ноги и осознала, что на мне... не джинсы и не кофта.

Я вздрогнула. На мне было длинное, тяжелое платье, сшитое в том же старинном стиле, что и вся мебель вокруг.

«Я была в джинсах и футболке всего несколько минут назад!»

Я попыталась встать, споткнулась, но тут же выпрямилась, лихорадочно оглядываясь. «Где девочки? Что происходит?!» Я была совершенно одна среди всего этого роскошного, неузнаваемого старинного убранства.

Моё внимание привлек единственный выход: деревянная дверь, сработанная в том массивном, грубом стиле, который я видела только в исторических фильмах. Я осторожно открыла её и проскользнула в проем. Это была спальня моей прабабушки, но, как и потайная комната, она стала совершенно иной. Мебель, хоть и стояла на тех же местах, что и в моих воспоминаниях, теперь была новой, тяжелой и рос-

кошной, выполненной в духе XVI века. Мне стало кристально ясно, что я вижу не старый особняк, а его первозданную, живую версию.

Я всё ещё не могла поверить в происходящее, отчаянно ища глазами хоть что-то знакомое, когда из коридора до меня донеслись голоса. Двое людей о чём-то тихо переговаривались. Я застыла, прижавшись к стене. Это были не голоса девочек.

«Кто это может быть?»

Я прильнула к двери, чтобы лучше расслышать, но голоса и шаги стихли, словно их обладатели удалились. Собрав волю в кулак, я решилась: приоткрыла дверь, осторожно высунула голову и оглядела коридор. Он тянулся вперёд, залитый мягким утренним светом. Вдоль стен висели бронзовые подсвечники с оплывшими свечами. Дом был совершенно незнаком, но в то же время пугающе узнаваем — это был мой дом, но в ином, богатом стиле, который кричал об эпохе давно минувших лет.

И вдруг, повернув голову, я замерла: в самом конце коридора висела картина. Та самая картина, которую мы нашли в потайной комнате. Портрет девушки, так похожей на меня. Только сейчас холст и краски выглядели совершенно свежими.

И тут я окончательно поняла, где — а точнее, когда — я нахожусь.

Не в силах поверить, я резко захлопнула дверь, развер-

нулась и бросилась к ближайшему зеркалу. Оттуда на меня смотрела я, но совсем другая: волосы были уложены в сложную, непривычную прическу, а незнакомое платье из плотной ткани полностью изменило мой силуэт.

В этот момент отрицать происходящее стало невозможно. Ужас ледяным водопадом обрушился на меня. Это не галлюцинация. Ритуал сработал, но совершенно по-другому. Те считанные минуты, что я провела в обмороке, на самом деле оказались прыжком в другое время.

Я без сил опустилась на край кровати, схватившись за сердце.

Вопросы вихрем проносились в голове, но, даже осознав всю тяжесть и опасность ситуации, я отчаянно цеплялась за последнюю спасительную мысль: это невозможно, это просто реалистичный кошмар, и скоро я проснусь.

Внезапно, словно повинуюсь животному инстинкту, я резко вскочила. Мне нужно было самое очевидное доказательство — взгляд на улицу. Я бросилась к окну, едва не споткнувшись о край тяжелого ковра. Окно оказалось не современным: маленькие стеклянные ромбы были впаяны в толстую свинцовую раму. Сквозь них я увидела совершенно другой мир.

Вместо асфальта и знакомых соседских домов — грязная, изрытая колеями дорога, по которой медленно ехали телеги. В нескольких метрах виднелись узкие фахверковые дома с высокими острыми крышами. Не было никаких прово-

дов, никакого привычного городского шума. Люди, спешащие по своим делам, были одеты в длинные плащи, старомодные платья и странные чепцы. Весь этот вид буквально кричал о шестнадцатом веке.

Я схватилась за голову. Дыхание стало частым и прерывистым, мне не хватало воздуха. Шок был абсолютным. Я ошарашенно смотрела на эту улицу, с ужасом осознавая, что всё происходящее — реально. Попятившись, я рухнула обратно на кровать, изо всех сил пытаюсь восстановить контроль над сбившимся дыханием.

Теперь, когда суровая реальность была принята, нужно было думать: что делать дальше? Как быть? Где Лили, София, Кэтрин и Саманта? И, самое главное, как мне вернуться обратно?

Я понятия не имела, что делать, но и бездействовать не могла. Снаружи были люди, и кто-нибудь из них мог войти в эту комнату в любой момент.

Сделав глубокий, судорожный вдох, я поднялась и направилась обратно в тайную комнату. Там я принялась лихорадочно рыться в вещах: перебирала содержимое шкафов, проверяла полки, густо уставленные зельями и шкатулками с травами. Но всё было тщетно. Того, что я отчаянно искала, здесь не оказалось.

Я замерла посреди комнаты и приложила ладонь ко лбу, массируя пульсирующие виски, пытаюсь хоть как-то собраться с мыслями. Что делать дальше?

Мне не оставалось ничего иного, кроме как выйти из комнаты и наконец выяснить, что происходит на самом деле. Прятаться здесь бесконечно было невозможно, да и бесполезно.

Я вновь открыла дверь и шагнула за порог. Голосов в коридоре больше не было слышно. Я медленно пошла вперед по длинному проходу, который казался мне до боли знакомым.

У перил лестницы я резко остановилась, не решаясь сделать шаг вниз. Куда бежать? А вдруг меня застанут врасплох? Ситуация казалась необъяснимой, не поддающейся никакому логическому описанию. Я уже хотела шагнуть на ступеньку, как вдруг позади раздался женский голос:

— Авелин?

Я медленно повернула голову. Лицо и голос женщины были мне совершенно незнакомы, я видела её впервые в жизни. Но она, очевидно, знала меня. И, судя по тому, что она назвала меня «Авелин», я начинала понимать, в какой сумасшедший переплет попала.

Я смотрела на эту женщину, и вдруг глубоко внутри шевельнулось странное чувство. словно кто-то другой, находящийся в моем теле, узнал её. Это было необъяснимо, но я отчетливо чувствовала: та, другая часть меня точно знает, кто перед нами. Но кто это был? И откуда я могла её знать?

Я стояла неподвижно и просто смотрела на неё, пристально изучая каждую черту, пока она медленно приближалась.

Она была одета в такое же тяжелое платье, как и я. Но я понятия не имела, кто она и как к ней обращаться. С трудом преодолев оцепенение, я ляпнула первое, что пришло в голову:

— Здравствуйте...

Женщина посмотрела на меня с изумлением, а затем тихо, ласково рассмеялась:

— Бог с тобой, Ави! Какое ещё «здравствуйте»?

Но затем её лицо стало серьезным, в глазах мелькнула тревога:

— Ты говорила, что хочешь приготовить настой от головной боли. Ты выпила его? Ты всё ещё очень бледна, дорогая. — Она подошла ближе, нежно коснувшись моей руки. — Ты сама не своя. Отчего эта внезапная боль? Быть может, нам стоит послать за врачом?

Услышав её, я окончательно потеряла дар речи. Её акцент, манера говорить — всё было совершенно другим, чуждым моему слуху. Я не знала, что ответить, чтобы не напугать эту женщину. Она явно хорошо знала меня... или ту девушку, чьё место я заняла.

— Да... Голова всё ещё болит. Врача не нужно. Наверное, мне и правда лучше прилечь, — с трудом выдавила я.

Женщина ласково коснулась моей щеки:

— Я возьму заботу о Кларе на себя. Возвращайся в свою спальню, дорогая, и хорошенько отдохни.

Я машинально кивнула, развернулась и поспешила об-

ратно в комнату. Войдя внутрь, я плотно закрыла за собой дверь. Сердце билось как бешеное. Женщина в коридоре, кажется, ушла.

— Как теперь быть? — прошептала я себе под нос.

Нужно было что-то предпринять. Кто эта женщина? И кто такая Клара? Я обязана была это выяснить. Пройдясь по комнате, я подошла к книжным полкам. У девушки, чью жизнь я сейчас проживала, был хороший вкус. Бегло осмотрев вещи, я приблизилась к массивному письменному столу. Выдвинув небольшой ящик, я достала оттуда записную книжку в кожаном переплете.

Почерк был витиеватым, но я всё же смогла разобрать написанное. Записи оказались сухими фактами: она писала о своих находках, о травах, о прогулках в лес. Эта книжица больше напоминала справочник травницы или рабочий журнал, нежели личный дневник. Поняв, что здесь ответов я не найду, я с разочарованием отложила её в сторону.

Окончательно осознав, что зашла в тупик, я ощутила всю тяжесть своего положения. Накатила настоящая безысходность.

Я подошла к большому венецианскому зеркалу и всмотрелась в отражение — в новую себя. Внешне это была я, но я точно знала: это больше не я. Тело казалось чужим, будто взятым взаймы. Словно внутри меня жил кто-то ещё.

Я пристально вгляделась в собственные глаза, как вдруг мое отражение моргнуло, ожило и произнесло:

— Кто ты такая?

От неожиданности я вздрогнула и резко отшатнулась, больно ударившись о мягкий резной стул, стоявший позади.

— Чёрт возьми, что происходит?! — прошипела я, с трудом удерживая равновесие.

Я опасливо подняла взгляд. Сейчас из зеркала на меня смотрела испуганная девушка — самое обычное, неподвижное отражение. Мое сердце колотилось как сумасшедшее. Набравшись смелости, я сделала осторожный шаг вперед. Снова посмотрев прямо в эти бездонные глаза, я дрожащим голосом спросила вслух:

— Эй... кто ты?

Губы в зеркале шевельнулись сами по себе, совершенно не в такт моим. Лицо по ту сторону стекла исказилось от неподдельного гнева и паники.

— Это я вправе требовать ответа! — сорвался на отчаянный крик голос, прозвучавший прямо из зазеркалья. — По какому праву ты вторглась в мое тело? Кто ты такая и как дерзнула занять мое место? Мне нечем дышать... я задыхаюсь!

Я тяжело сглотнула и собрала волю в кулак. Это был мой единственный шанс — встретиться с настоящим разумом этого тела и выяснить, что, чёрт возьми, здесь происходит.

— Меня зовут Авелин.

— Авелин?.. — эхом, полным изумления, отозвалось отражение.

— Да. И тебя, кажется, тоже зовут Авелин.

— Кто ты и откуда пришла? — голос по ту сторону стекла зазвенел от гнева и страха. — Каким темным колдовством ты завладела моим телом? Отвечай немедленно: не дьяволу ли ты служишь, раз способна на подобное?

— Поверь, я и сама не знаю, — честно ответила я. — Я пришла из будущего. И, судя по всему, мы с тобой дальние родственницы. Ты моя прапрабабушка... или что-то вроде этого.

— Ради всего святого, остановись! О каком будущем ты говоришь? — резко оборвала она. — Прошу тебя, выражайся яснее, твоя странная манера речи мне совершенно непонятна!

К счастью, в отличие от неё, я была из будущего. Я смотрела достаточно исторических сериалов и читала Шекспира, так что хоть немного, но понимала её речь. Я сознательно сбавила темп и начала говорить медленно, подбирая самые простые слова:

— Мы с подругами нашли потайной вход в эту самую комнату. — Я указала пальцем на дверь. — Сейчас она служит тебе чем-то вроде аптекарской мастерской, но в мое время она была абсолютно пуста. Там стоял только старый сундук и портрет. Внутри лежали магические камни и книга. — Меня вновь начала бить нервная дрожь от осознания происходящего. — Эта чёртова книга! Мне не стоило даже брать её в руки!

Не в силах стоять на месте, я сделала нервный круг по комнате, а затем вновь вернулась к зеркалу.

— Я не знаю, как всё произошло... смогу ли я вернуться?
— голос мой дрогнул. — Надеюсь, ты знаешь выход... Ты ведь знаешь, да?

— Тише! — строго оборвала она. — Возьми себя в руки! Расскажи мне всё, ничего не скрывая.

Я тяжело, с горечью выдохнула, опустилась на резной стул и начала рассказывать. Я выложила ей всё: кто я такая, перечислила имена бабушки и прабабушки.

— ...и последнее, что я помню: мы с девочками проводили какой-то обряд, ритуал призыва предков. Я прочитала заклинание, а потом потеряла сознание...

Она резко перебила меня:

— Что?! Ты прочла «Призыв Предков»? Но это невозможно!

— Но, как видишь, это произошло... — продолжила я, чувствуя тяжелый ком в горле. — Я не знала, что такое вообще возможно. Я не верила в подобные вещи. Для меня это было всего лишь глупой игрой.

— Должно быть, именно за это ты и понесла наказание, — холодно произнесло отражение. — За то, что осмелилась счесть великий дар лишь пустой забавой.

— И что теперь? И, главное, что мне делать в твоём теле? И где, собственно, мое?

— Это поистине скверные вести. Ваш ритуал... стал роко-

вой ошибкой. В подобных таинствах могут участвовать лишь те, в чьих жилах течет подлинная сила. Ступать в магический круг вправе только посвященные. И, полагаю, среди вас всех истинной ведьмой оказалась лишь ты одна.

Я запнулась, не зная, что ответить, но тут меня обожгла страшная мысль:

— А мои подруги? Где они теперь? Я... я не знаю, что с ними стало. Перенеслись ли они вместе со мной в это время?

Хозяйка тела долго не сводила с меня взгляда — тяжёлого и внимательного, словно взвешивая каждое моё слово.

— Мне это неизвестно, — ответила она ровным голосом. — О своем даре я узнала шесть лет назад. Мое искусство — это знание трав и заклинаний, приготовление зелий и исцеление недугов. Я не странствую сквозь века. То, что произошло с тобой — магия поистине редкая и непостижимая. Перенестись из будущего в прошлое... с подобным мне сталкиваться не доводилось.

— Что же мне делать? — спросила я, уже не скрывая отчаяния. — К кому обратиться за ответом? Та женщина в коридоре... она твоя мать?

— Да, — произнесла она после короткой паузы. — Моя мать.

— Она тоже наделена даром?

— Нет, — ответила она, и на её лице на миг проступила тень усталой горечи. — Она обычная женщина. Видимо, в нашем роду этот дар... или же это проклятие, был дарован

лишь мне одной.

— Как и когда ты узнала о своей силе?

— Всё началось, когда мне было шестнадцать лет. В то время я была обручена со своим супругом.

— Где он сейчас? — тихо спросила я.

— Господь безвременно призвал его к себе, — негромко ответила она. — Наш союз продлился едва ли три года. Он скончался от черной оспы.

— Мне очень жаль...

— О моём даре сейчас знает лишь моя мать и ещё один человек — старый чародей по имени Балдрик. Он обитает в глубине лесов, вдали от людских глаз. Если кто и способен помочь тебе, то только он.

— Хорошо, — кивнула я. — Но кто меня к нему отведет? И как я буду вести себя с твоей матерью?

— Нам следует довериться матери. Мы обязаны рассказать ей правду, поскольку иного пути к спасению я не вижу.

— Ладно. А кто такая Клара? Твоя мать говорила, что присмотрит за ней.

— Клара? — её голос дрогнул. — Клара — моя дочь.

— Дочь?! — я удивленно вскинула брови. — У тебя есть дочь? Сколько же тебе лет?

— Мне двадцать два года. А сколько лет тебе?

— А мне двадцать, только вчера исполнилось... Кстати, скажи, пожалуйста, сейчас точно какой год?

— Год тысяча пятьсот двадцать четвертый от Рождества

Христова.

— Ого... — только и вырвалось у меня.

Я задумчиво посмотрела на неё, сравнивая наши лица.

— Слушай, Авелин... Значит, судя по тебе и по мне, выходит, что ведьмы в нашем роду — только мы? Только рыжие? И ведь нас всех называли Авелин именно в честь тебя. Я могу сказать абсолютно точно: ни у моей мамы, ни у бабушки никакого дара не было. Но вот что интересно: знали ли они об этом? И появятся ли теперь какие-то силы у меня?

Вдруг в дверь постучали, и в спальню вошла та самая женщина — мать Авелин. Она приоткрыла дверь и замерла на пороге:

— С кем ты ведешь беседу, Ави?

Я застыла на месте. Примирительно выставив перед собой ладони, я попыталась заговорить максимально мягко:

— Пожалуйста, прошу вас, выслушайте меня.

Женщина чуть склонила голову набок, прислушиваясь к моему странному акценту.

— Что тревожит тебя, Авелин? — с испугом спросила она. — Ты говоришь так странно... Быть может, лихорадка помутила твой рассудок?

Она подошла ко мне и приложила тыльную сторону ладони к моему лбу.

— Должно быть, это бред, бедное мое дитя.

В глазах этой женщины читалась такая безграничная доброта, что у меня болезненно защемило сердце. Я мягко на-

крыла её ладонь своей рукой.

— Слушайте... — начала я. — Я сейчас вам кое-что скажу... а точнее, покажу. Пожалуйста, посмотрите в это зеркало.

Женщина перевела взгляд на зеркало, затем снова на меня. В её глазах мелькнула страшная догадка. Она резко отдернула руку:

— Кто ты? Ты не моя Авелин...

Я чуть отстранилась и быстро заговорила:

— Я вам сейчас всё объясню! Это правда, я не ваша Авелин. Я её дальняя родственница... из будущего. Я случайно переселилась в её тело. Но Авелин здесь, она заперта внутри меня! Только взгляните в зеркало!

Женщина, крупно дрожа, перевела взгляд на стекло. Я подошла ближе, встала рядом, и в этот момент девушка в зеркале — настоящая Авелин — ожила:

— Мать моя, это я! Прошу, выслушай меня и не поддавайся страху! — заговорило моё отражение голосом, полным отчаянной мольбы. — Посмотри, какое несчастье меня постигло! Эта девушка — нашей крови, она перенеслась сюда из будущего. Непостижимой магией её душа завладела моим телом, но клянусь, в ней нет дурного умысла. Умоляю, не отчаивайся! Стань нашим спасением, помоги нам обеим!

Женщина судорожно вдохнула, ноги её подогнулись, и она тяжело опустилась на стул, обхватив голову дрожащими руками.

— Святая Дева Мария... За какие грехи небеса послали нам это испытание?

Я опустила на пол прямо у её ног:

— Пожалуйста, поверьте мне! Помогите нам обеим! Вытащите меня из этого времени и верните себе свою дочь!

Плечи женщины бессильно поникли. Она подняла на меня измученный, полный слез взгляд:

— В таком случае, расскажи мне всё. Кто ты? И из каких времен явилась?

Я коротко кивнула и начала свой рассказ. Я повторила ей слово в слово всё то, что буквально минуту назад рассказывала настоящей Авелин: про двадцать первый век, про ритуал и про тот злополучный кристалл.

Когда я закончила, вновь вступила Авелин из зеркала. Она строго велела матери хранить молчание, чтобы никто в доме не узнал правду, и потребовала отвести меня к колдуну Балдрику.

Выслушав нас до конца, мать Авелин — Джоан, как она мне представилась, — долго хранила молчание. Наконец, она смирилась с происходящим. К моему счастью, Джоан была женщиной мудрой и благородной. Любая другая на её месте могла бы поднять тревогу и наотрез отказаться верить в подобное безумие. Но, зная, кем была её дочь, Джоан поняла всё без лишних слов. Не желая терять ни минуты, она твердо заявила, что нам нужно немедленно отправиться к Балдрику.

Затем мы переоделись в дорожные платья. Но прежде чем покинуть дом, мы направились к Кларе. Это был изумительный ребенок: глазки такие яркие, живые, а волосы мягкие, тёмно-русые. Моё сердце сжалось от нежности, хоть я и видела эту малышку впервые.

Джоан позвала одну из служанок и отдала строгое распоряжение:

— Присмотри за Кларой, не оставляй её ни на минуту! Нам с дочерью необходимо отлучиться по неотложному делу.

Уладив это, я набралась духу, глубоко вздохнула и вместе с Джоан направилась к выходу. Нам предстоял путь к колдуну.

Глава 3. Камни душ

Мы вышли из дома, и меня тут же обдало сырым, холодным воздухом. Я жадно вдохнула его, чувствуя запахи прелой листвы, дыма от печей и... лошадей.

Я оглядывалась по сторонам, едва сдерживая дрожь — не столько от холода, сколько от благоговения и ужаса. Мир вокруг был невероятен. Это было похоже на самую качественную декорацию к историческому фильму, но пугающе реальную. Каменная кладка стен, брусчатка под ногами, суесящиеся слуги в грубых одеждах — всё это было настоящим. Я смотрела на это с восхищением туриста, попавшего в музей под открытым небом, но тут же меня накрывало ледяное осо-

знание: это не музей. Это тысяча пятьсот двадцать четвертый год. Я застряла здесь, за пятьсот лет до своего рождения.

Нас уже ждала карета — хотя это слишком громкое слово для того, что я увидела. Скорее, это была добротная крытая повозка, запряженная парой лошадей.

— Долго нам ехать? — спросила я, когда мы уселись внутри и повозка тронулась, нещадно подпрыгивая на неровностях.

Джоан, сидевшая напротив и нервно теребившая края своего плаща, тихо ответила:

— Не так уж долго. Около часа пути. Он живет в Заглушенном лесу.

Мы ехали молча. Я смотрела в небольшое оконце повозки, пытаюсь запомнить дорогу, но пейзаж быстро сменился густыми зарослями. Вскоре карета остановилась. Дальше дорога была слишком узкой и разбитой.

— Отсюда нам предстоит идти пешком, — произнесла Джоан, выходя наружу.

Стояла глубокая осень. Небо было серым, тяжелым, под ногами хлюпала размокшая земля вперемешку с гнилыми листьями. Везде были лужи и непролазная грязь.

Я сделала несколько шагов и тут же почувствовала, как тяжелый бархат моего платья намок и потяжелел. Я совершенно не умела носить такие вещи. Я шла, волоча за собой дорогую ткань прямо по жиже, глубоко погруженная в свои мысли о том, что ждет нас впереди.

— Авелин, — мягко окликнула меня Джоан. — Подбери подол, дитя. Иначе испортишь платье.

Я вздрогнула и посмотрела вниз. Подол был безнадежно испачкан.

— Ой... — я нервно рассмеялась, пытаюсь скрыть неловкость, и неуклюже подхватила тяжелую ткань руками. — Да, да, я знаю... Простите. Просто задумалась.

Мы шли по лесу больше двадцати минут. Это место полностью оправдывало свое название — «Заглушенный лес». Деревья здесь стояли так плотно, переплетаясь ветвями, что свет почти не проникал вниз. Казалось, всё вокруг вымерло — лишь чавканье грязи под нашими ногами нарушало гнетущую тишину.

Наконец впереди показалась поляна. На ней стоял приземистый деревянный дом, покрытый мхом и соломой. Из трубы валил густой сизый дым — значит, внутри кто-то был.

Я резко остановилась, не решаясь подойти ближе. Джоан тоже замерла и вопросительно посмотрела на меня:

— Что тебя тревожит?

— Он один живет? — шепотом спросила я.

— Да, совершенно один, — кивнула она.

— А сколько ему лет?

Джоан нахмурилась, прикидывая в уме.

— Мне это в точности неизвестно... Но, полагаю, он живет на этом свете уже более столетия.

— Больше ста?! — я округлила глаза.

— Умоляю тебя, Авелин, будь с ним почтительна, — предостерегла она, понизив голос. — Он весьма суров. Порой его разум затуманивается; он вспыльчив и легко поддается гневу. Он человек тяжелого нрава.

— В смысле «разум затуманивается»? — насторожилась я. — Он сумасшедший? Мы точно к тому пришли? Он точно колдун?

— Отбрось страхи, — успокоила меня Джоан, но в её собственных глазах тоже читалось опасение. — Он подлинный маг, и его могущество неоспоримо. За свою долгую жизнь он стал свидетелем слишком многого, и потому его душа не находит покоя. Просто остерегайся перечить ему.

Мы подошли к низкой, потемневшей от времени деревянной двери. Джоан решительно постучала.

Через мгновение изнутри донесся голос — тяжелый, глубокий и старый, словно заговорило само это древнее дерево: — Войдите.

Джоан толкнула дверь, и мы шагнули внутрь.

Это была не просто хижина, а просторное бревенчатое жилище, разделенное на две половины. В главной комнате, куда мы попали, хозяина не было видно. «Значит, он во второй комнате», — отметила я про себя, осматриваясь.

Всё здесь было сделано из дерева: пол, стены, потолок. Пространство казалось тесным из-за обилия вещей: под самым потолком висели пучки сухих трав, корни и ветки, а полки вдоль стен были заставлены бесчисленными склянками.

ми и бутылочками с настойками.

Я невольно принялась, ожидая ощутить затхлый запах старости или чего похуже, но, к моему удивлению, пахло здесь приятно. Воздух был пропитан ароматом луговых цветов, меда и душистых трав.

Я застыла у порога, не решаясь сделать и шага. Джоан заметила мое оцепенение, легонько коснулась моего локтя и шепнула:

— Успокойся. Не бойся.

Вдруг из соседней комнаты раздался протяжный скрип половиц. Я вздрогнула. В проеме показалась высокая фигура.

На вошедшем был длинный темно-серый плащ с глубоким капюшоном. Ткань выглядела старой, но опрятной и чистой. Лица его я не видела — оно было скрыто в тени капюшона. Мужчина даже не поднял на нас взгляда. Он молча сделал жест рукой, указывая на грубые деревянные стулья у стены, приглашая сесть.

Джоан кивнула мне: мол, делай, как он говорит. Я быстро, стараясь не шуметь, прошла за ней и опустилась на край жесткого стула.

Колдун, всё ещё не глядя на нас, прошел к массивному столу и встал к нам спиной. Он принялся что-то перебирать на столешнице. Я заметила, что при ходьбе он опирается на необычную трость — сучковатую, словно выросшую из самой земли. Роста он был внушительного — навскидку, не

меньше метра восьмидесяти.

— Что привело вас сюда, Джоан, спустя столько времени?— спросил он тихим, хрипловатым голосом, не оборачиваясь.

И только после этих слов он медленно повернулся к нам лицом.

Я затаила дыхание, ожидая увидеть какого-нибудь жуткого, уродливого старика из страшных сказок, но реальность снова обманула мои ожидания.

Он откинул капюшон. На плечи упали густые, белоснежные волосы. Такой же белой была и длинная, аккуратная борода. Но больше всего поражали его глаза — ярко-голубые, пронзительные и живые.

«Ничего себе...» — пронеслось у меня в голове.

Несмотря на глубокие морщины и возраст — а ему, по словам Джоан, было больше ста лет — он выглядел на удивление благородно. В молодости он явно был красавцем, да и сейчас этот старец обладал какой-то притягательной, величественной силой. Никакого уродства, только печать вековой мудрости.

Джоан поднялась со своего места и решительно подошла к колдуну.

— Балдрик, нам нужна твоя помощь, — произнесла она твердо, хотя я прекрасно видела, как напряжена её спина.

Мужчина нахмурился. Его тяжелый взгляд переместился на меня. Он рассматривал меня долго, пристально, словно

сканируя насквозь, пытаюсь разглядеть то, что скрыто под кожей. Затем он вновь перевел тусклые глаза на Джоан:

— Чем обязан? Какая нужда привела вас ко мне?

Джоан глубоко вздохнула:

— Не знаю, Балдрик, согласишься ли ты моим словам... но перед тобой не Авелин.

Колдун лишь слегка приподнял одну густую седую бровь. Он снова посмотрел на меня, но теперь в его взгляде читалось не просто любопытство, а холодный, цепкий расчет.

— Что значит «не Авелин»? — переспросил он ровным голосом. — Кто же тогда?

Джоан обернулась ко мне и ободряюще кивнула, призывая подойти ближе.

Я медленно встала. Внутри всё сжалось от липкой тревоги. Мысли судорожно метались: «А вдруг он решит, что я одержима демоном? Вдруг попытается изгнать меня силой?» Но отступать было некуда.

Я подошла к старику и попыталась встретить его взгляд. Он молчал, выжидающе глядя на меня сверху вниз.

— Ну же? — поторопил он. — Говори, что стряслось.

Я нервно сглотнула. Голос предательски дрожал.

— Э-э... сэр... — начала я, но тут же испуганно осеклась. — Ой, нет... Господин...

Я совершенно не знала, как к нему обращаться, и в конце концов решила выпалить всю правду на одном дыхании, просто чтобы поскорее сбросить этот невыносимый груз:

— Я из будущего. Я случайно вселилась в тело Авелин.

Я выдохнула эти слова резко, будто прыгнула с обрыва в ледяную воду, и замерла, в ужасе ожидая его реакции.

Но колдун ничуть не удивился. Он лишь задумчиво сжал губы, прищурился и, подняв руку, медленно провел ладонью по своей длинной белоснежной бороде.

— Так вот в чем дело... — произнес он спокойным, рассудительным голосом. — А я всё пытался постичь: что за невидимая тень нависла над Авелин, когда я заглядывал в её будущее... еще много лет назад.

— К... К-как это? — заикаясь, выдавила я. — Что это значит?

Но договорить мне не дали. Джоан тут же перебила меня, шагнув вперед. В её голосе звучало глубокое почтение, смешанное с горьким упреком:

— Балдрик, ты знал, что явится гостья из будущего? Почему же ты молчал? Отчего не предупредил нас о её появлении?

Старик медленно повернул голову к Джоан. Его лицо оставалось абсолютно невозмутимым.

— Мне не было дано предвидеть, что гостья выберет именно этот путь, — спокойно ответил он. — Я и представить не мог, что чужая душа завладеет телом Авелин. Но то, что надвигается нечто неотвратимое, — это я знал.

Он отвернулся от нас и тяжелой поступью направился к массивному деревянному креслу, стоявшему в углу. Оно за-

метно отличалось от грубых табуретов — высокое, резное, оно было похоже на лесной трон.

Колдун грузно опустился в него, уперся обеими руками в набалдашник своей сучковатой трости и властным жестом указал нам на стулья:

— Садитесь. И расскажите мне всё без утайки, ничего не скрывая. Как подобное могло произойти?

Я глубоко вздохнула и начала свой рассказ. Я выложила ему всё.

Когда я закончила, в хижине повисла плотная тишина. Колдун молчал. Прошла минута, вторая... Казалось, минуло целых пять минут. Он сидел абсолютно неподвижно, уставившись расфокусированным взглядом в пол, словно читал там невидимые письма.

Напряжение росло. Наконец он громко, раскатисто про-
чистил горло, кряхтя поднялся с кресла и коротко бросил:
— Следуйте за мной.

Он взял одну из свечей на полке, развернулся и скрылся в темном проеме той самой комнаты, откуда появился вначале.

Мы с Джоан переглянулись, поспешно встали и пошли следом. Мокрый, грязный подол платья лип к моим ногам, холодил кожу и вызывал противную дрожь. Этот сырой дискомфорт ужасно раздражал, но выбора не было — приходилось терпеть и идти навстречу неизвестности.

Мы вошли во вторую комнату. Она оказалась на удивле-

ние обычной — простая спальня старого человека. Грубая деревянная кровать, небольшой прикроватный столик, еще пара личных вещей. Никакой магии, никаких черепов по углам.

Но колдун здесь не задержался. Он уверенно направился в дальний угол, с глухим кряхтением наклонился и, ухватившись за край потертого ковра, резко отбросил его в сторону.

Под ним обнаружился потайной люк. Балдрик на удивление легко откинул тяжелую деревянную крышку и начал медленно спускаться по скрипучим ступеням вниз, в зияющую темноту, бросив нам через плечо:

— Спускайтесь.

Мы с Джоан, не проронив ни слова, безропотно повиновались и последовали за ним.

Когда мы оказались внизу, моим глазам открылась совершенно иная картина. Это был настоящий подвал чернокнижника. Вдоль всех стен, от пола до самого низкого потолка, тянулись деревянные полки, плотно заставленные разномастными банками и склянками.

Я присмотрелась к одной из них, подсвеченной тусклым светом свечи, и меня передернуло. В мутной жидкости плавали скрюченные лягушачьи лапки, а в банке по соседству мариновалась... кажется, утиная голова с открытым клювом. И еще куча всякой гадости, которую я даже не хотела опознавать.

Меня замутило от брезгливости. Я мотнула головой, за-

ставив себя больше не смотреть по сторонам, и уставилась в широкую спину колдуна.

Балдрик целенаправленно шел к центру помещения, где стояло нечто громоздкое, скрытое под плотной темной тканью — не то занавеской, не то старым покрывалом.

Подойдя вплотную, старик протянул руку и резким движением сдернул ткань.

В воздух взметнулось облако пыли, и перед нами представило оно. Огромное, массивное зеркало в полный рост. Рама его была искусной работы, темная и величественная. Оно казалось здесь совершенно чужеродным предметом — слишком красивым и дорогим для этого мрачного подвала с мертвыми лягушками.

Джоан застыла в стороне. Ей, как и мне, всё это было чуждо. И хотя её родная дочь была ведьмой, по бледному лицу матери было видно её сильное волнение и затаенный страх.

Колдун молча поманил меня рукой. Он поставил свечу на одну из деревянных полок, освобождая руки, и повернулся ко мне.

— Я знаю, что лишь сегодня ты узнала правду о том, кто ты есть и каково твое наследие, — произнес он со значением, глядя мне прямо в глаза. — То, что ты сейчас увидишь, может испугать тебя. Но помни: эта магия течет в твоих жилах. Своей судьбы не избежать. Ты должна принять то, что дано тебе по праву рождения.

Я ничего не ответила, лишь внимательно слушала и кива-

ла каждому его слову. И, как ни странно, внутри не возникло ни капли страха. Возможно, старик был прав — это действительно было в моей крови. Несмотря на то, что в своем времени я никогда не верила во все эти чудеса, сейчас я приняла эту истину удивительно быстро и спокойно.

«Случись такое с кем-то другим, он бы уже наверняка сошел с ума, — мелькнула мысль. — Но я держусь».

Я чувствовала, что веду себя достойно, и, признаться, гордилась своим самообладанием.

Колдун отвернулся к стеллажам и принялся что-то искать, перебирая пыльные склянки. Наконец, выудив одну из них, он поднял её к свету, придирчиво рассматривая содержимое, и удовлетворенно кивнул самому себе.

Он медленно подошел ко мне и протянул пузырек с какой-то мутной жидкостью:

— Выпей это.

Я возмущенно уставилась на него, не спеша брать подозрительное зелье:

— Выпить? Что это?!

Голос колдуна мгновенно стал стальным и строгим, не терпящим возражений:

— Не задавай вопросов. Делай то, что велено. Желает ли ты покинуть это тело и вернуться в свой век, или нет?

Я чуть помедлила, взвешивая риски, но затем медленно кивнула.

Увидев это, колдун резко развернулся, чтобы продолжить

приготовления, и бросил через плечо:

— Тогда молча исполняй мою волю.

Я с опаской выдернула пробку и поднесла склянку к носу. В нос ударил такой густой, приторный смрад, что меня едва не вырвало прямо на месте. Желудок сжался в спазме, и я поспешно отвела руку, с трудом сглотнув подступивший к горлу ком.

Колдун, стоявший ко мне вполоборота, бросил на меня быстрый, колючий взгляд через плечо, проверяя, повинуюсь ли я.

— Ты не хочешь увидеть, что произошло с твоими подружками? — спросил он с нажимом.

— Конечно, хочу! — тут же выпалила я, свободной рукой пытаюсь отогнать от себя этот чудовищный запах. — Но неужели нет ничего другого? Того, от чего меня не вырвет? Если я выпью это, меня просто...

Он не дал мне договорить. Его голос прозвучал резко и властно, как удар хлыста:

— Пей без лишних слов!

В этот момент ко мне метнулась Джоан. Она больно схватила меня за локоть, слегка встряхнула, приводя в чувство, и жарко зашептала прямо на ухо, срываясь на мольбу:

— Делай, что он велит! Иначе не выбраться из этой западни ни тебе, ни моей дочери!

Я набралась смелости, зажала нос пальцами и, крепко зажмурившись, залпом опрокинула в себя содержимое склян-

ки.

Я готовилась к худшему — к горечи, жжению, тошноте. Но, к моему изумлению, у омерзительно пахнущей жижи не оказалось ровным счетом никакого вкуса. Словно я выпила обычную воду. Это было огромным облегчением — с запахом я еще могла смириться, но отвратительный вкус точно вывернул бы меня наизнанку.

Выполнив приказ, я шумно выдохнула и поставила пустую склянку на ближайшую полку.

Колдун, не говоря ни слова, взял свечу и поставил её перед зеркалом так, чтобы свет падал прямо на стекло. Поверхность зеркала дрогнула, и в то же мгновение вместо моего отражения там появилась настоящая Авелин.

— Приветствую тебя, Балдрик, — произнесла она с теплотой. — Отрадно вновь видеть тебя.

Старик едва заметно склонил голову в ответ — знак глубокого уважения к своей ученице.

— И я рад приветствовать тебя. С твоего позволения, Авелин, — произнес он, — мы должны показать нашей гостье из будущего, что происходит в её собственном времени.

Услышав это, я резко повернулась к нему, совершенно забыв об осторожности:

— Это зеркало может показать всё, что мы захотим увидеть?

Но, поймав на себе тяжелый взгляд колдуна, я тут же осеклась, вспомнила его недавний приказ молчать и виновато

опустила голову.

Старик даже не удостоил меня ответом. Отражение Авелин в зеркале мигнуло и исчезло, уступая место темной, клубящейся глубине.

— Сядь перед стеклом, — велел Балдрик.

Я послушно опустилась прямо на пыльный пол, скрестив ноги. Колдун встал позади меня и начал читать заклинание. Его голос звучал низко и ритмично, слова были совершенно неизвестными, древними.

Спустя пару секунд стекло пошло мелкой рябью, как вода от брошенного камня. Мое собственное отражение начало растворяться, исчезать, и вдруг туман рассеялся.

Я ахнула, подавшись вперед.

И увидела их!

Лили, Саманта, Кэтрин и София... Они лежали без сознания на полу, в странных, неестественно изломанных позах, посреди той самой тайной комнаты, с которой всё и началось.

Я оцепенела. Несколько бесконечных мгновений я просто смотрела на них, на их безжизненные тела. Они лежали абсолютно неподвижно, словно сломанные куклы.

Сердце мучительно сжалось от увиденного. Я рванулась вперед, чтобы коснуться рукой стекла, словно могла через него дотянуться до них, растолкать, помочь... Но стоило мне только протянуть руку, как видение дрогнуло и исчезло. Из темной, клубящейся глубины на меня снова смотрело лишь моё собственное, испуганное отражение.

Я резко вскочила на ноги, развернулась к колдуну и, едва сдерживая панику, выпалила:

— Что с ними?! Что происходит? Почему они всё еще без сознания? Почему они не проснулись?!

Колдун ответил не сразу. Он медленно прошелся по комнате, тяжело постукивая тростью, словно собираясь с мыслями. Затем он остановился прямо передо мной и посмотрел мне в глаза своим темным, пронзительным взглядом.

— Они не проснулись, потому что их там нет, — произнес он глухо. — Души их перенесли в наш век. Вместе с тобой.

— Что?.. — только и выдохнула я.

— Камни Душ, — продолжил он, не давая мне опомниться. — Те самые кристаллы, с которыми вы проводили ритуал. Каждый камень забрал одну душу. Четыре камня — четыре души.

Он поднял костлявый палец и указал на мою грудь, туда, где под тяжелым платьем висел медальон:

— А пятый камень связан с амулетом, что на твоей шее.

— Значит, они так же, как и я, вселились в кого-то здесь? — быстро спросила я, лихорадочно пытаюсь выстроить логическую цепочку. — Но если так, то где тогда мое тело? Ведь я тоже переселилась только душой!

Колдун тяжело вздохнул и покачал головой, всем своим видом показывая: «Как же нелегко будет ей всё это объяснить». Он явно осознавал всю глубину и смертельную опасность ситуации, в которой я оказалась.

— Нам здесь более делать нечего, — наконец произнес он, поднимая взгляд. — Вернемся наверх.

Сказав это, он грузно развернулся и двинулся к деревянной лестнице. Мы с Джоан молча последовали за ним.

Вернувшись в главную комнату, Балдрик устало опустился в своё кресло и жестом велел нам тоже сесть.

— Слушайте меня внимательно, — начал он.

Я сидела на самом краю стула, сцепив пальцы в замок так сильно, что хрустнули суставы. Всё моё внимание, каждая клеточка моего тела были сосредоточены на словах старика.

Колдун прокашлялся и заговорил глухим, серьезным го-

лосом:

— Души твоих подруг заточены, — произнес он. — Камни Душ поглотили их сущность. Поскольку эти девушки не принадлежат к магическому роду и в их жилах не течет истинная магия, древние артефакты оказались сильнее их воли. Камни забрали их души, утянув за собой в наше время — туда, откуда сами берут свое начало.

Он сделал паузу, давая мне осознать услышанное.

— Сейчас они сокрыты внутри кристаллов. Где именно находятся эти камни теперь — от меня скрыто. И разгадать эту тайну мне пока не по силам.

— Подождите! — в ужасе перебила я. — Вы хотите сказать, что мои подруги... умерли?

Колдун медленно покачал головой:

— Пока нет. В них еще теплится искра жизни, — произнес он. — То, что осталось в будущем, — теперь лишь тела. Сосуды, покинутые душой, пустые оболочки. Но пока их души целы и заключены в камнях, надежда на спасение всё еще жива.

У меня немного отлегло от сердца, но тут же возник новый, пугающий вопрос:

— А где тогда моё тело? — спросила я, сглотнув. — Почему его не было среди них в той комнате? Ведь я тоже переселилась!

— Ты — ведьма, — медленно и четко произнес Балдрик. — Твой переход пошел по иному пути. Твоя душа завладе-

ла телом прародительницы, а твое собственное тело... затерялось в пустоте между веками. Отныне в одном теле живете двое: ты и Авелин.

Я сидела, совершенно оглушенная, пытаюсь осмыслить этот бред, который внезапно оказался моей реальностью. Мое тело затерялось в пустоте? И теперь я вынуждена жить в чужом?

А Балдрик продолжал:

— Когда ты вернешься в свое время, твое тело вновь будет воссоздано из небытия. Что же касается душ твоих подруг... Ты обязана завладеть этими камнями. Тебе предстоит отыскать все четыре кристалла и доставить их сюда, чтобы вернуть каждую душу её законной владелице.

— Но как?! — воскликнула я в отчаянии. — Как я найду камни здесь? Если даже вы не знаете, где они, то как узнаю я?

— Я помогу тебе, — твердо сказал старик. — Но прежде тебе предстоит пройти обучение. Ты должна овладеть всем магическим искусством своего рода, которое дремлет в твоей крови.

Он подался вперед, тяжело опираясь на трость:

— Ты перенеслась из далекого будущего. С течением веков дар твоего рода лишь приумножался и набирал силу. В тебе таится великая мощь, превосходящая даже дар твоей прародительницы Авелин. Эта магия дремала, но её пробуждение нарушило сами законы природы. И теперь мы обязаны подчинить эту силу.

— Балдрик, разве не в твоей власти всё исправить? Неужели не в твоих силах изгнать чужую душу из тела моей дочери? — с отчаянием и робкой надеждой спросила Джоан.

Старик мрачно покачал головой:

— Нет, Джоан. Это свыше моих сил. Будь все камни в моих руках, я бы сумел обратить сотворенное вспять. Но сейчас... Вернуться в свое время сможет лишь она одна. Оставив своих подруг здесь.

— Нет, нет, нет! — в ужасе воскликнула я. — Я без них никуда не уйду! Вы что? Это ведь из-за меня они попали в такую беду! Я не могу их бросить!

Я перевела дыхание, стараясь говорить твердо:

— Я сделаю всё, что нужно. Всё, что вы попросите. Но сколько это займет времени? Они ведь лежат там без сознания! Через пару дней нас начнут искать. Мы ведь всего лишь на неделю приехали в особняк. Я уверена, что нас уже ищут! Мы впятером просто исчезли. Моя мама, их родители... Они, наверное, уже оборвали все телефоны, звонят без перерыва!

— Почему... звонят? — растерянно переспросила Джоан, не поняв странного слова. — В колокола ли?

Я посмотрела на неё и поняла, что объяснять, что такое смартфон и сотовая связь, сейчас совершенно неуместно.

— Это сейчас неважно, потом объясню, — отмахнулась я и продолжила, умоляюще обращаясь к колдуну: — Если они до нас не дозвонятся, то приедут туда. И что они увидят? Четыре тела лежат в кругу пентаграммы, свечи, книга... Они

решат, что произошло ритуальное убийство или коллективное помешательство! А меня там даже нет...

Балдрик резко поднял руку, властно останавливая поток моей паники:

— Умолкни. Довольно.

Он посмотрел на меня своим пронзительным, ледяным взглядом и произнес:

— В моих силах лишь одно. Я очищу ту комнату сквозь завесу времени. Я уберу оттуда всякую вещь, отмеченную хотя бы малейшим следом магии. Ни одна живая душа не узнает о ритуале. Близкие найдут лишь их тела в опустевшей комнате, словно девушки просто погрузились в глубокий, безмятежный сон.

Услышав это, я с облегчением выдохнула, но тут же в голову пришла новая, совершенно безумная идея:

— А если это возможно... Могу ли я пойти туда сама? Ненадолго? Просто чтобы всё уладить, вызвать скорую, устроить их в больницу, чтобы они не валялись на полу... А потом я сразу вернусь и найду эти камни!

— Нет, — жестко оборвал меня колдун. — Это невозможно. Ты не можешь странствовать сквозь века по собственной прихоти. Это грозит верной гибелью и тебе, и Авелин. Ткань времени — не дверь в твои покои, чтобы распахивать её, когда заблагорассудится.

— Но как тогда?! — я почти сорвалась на крик от отчаяния. — Как я найду эти камни здесь? Сколько это займет

времени? Неделю? Месяц? Меня ведь тоже там будут искать! Хоть они и найдут тела подруг, но моего тела вообще нет! Как я им объясню своё исчезновение?

Балдрик тяжело оперся на трость:

— Слушай меня внимательно. Тебе отпущен ровно год. Один год, в течение которого вы сможете делить это тело на двоих. И ни днем больше. Задержишься ты дольше — и Авелин погибнет. Её душа угаснет, а ты навеки останешься пленницей её тела здесь, в нашем веке. И я предвижу... поиски камней станут тяжким испытанием. На это уйдут недели, а возможно, и долгие месяцы.

— Недели... Месяцы... — прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— Но отбрось свой страх, — вдруг мягче добавил старик. — Когда ты смотрела в зеркало, ты видела лишь то, чего страшилась превыше всего — тела своих спутниц. Я же, обратив взгляд в твое будущее, увидел иное. Природа времени непостоянна. И там оно течет иначе, нежели у нас.

Он выдержал паузу и веско произнес:

— Год, который ты проведешь здесь, обернется там всего лишь одним месяцем.

— Месяц? — переспросила я, не веря своим ушам. — Как это? Как такое вообще возможно?

Лицо старика осталось бесстрастным, он лишь мерно стукнул тростью о каменный пол:

— Время течет по-разному для тех, кто однажды пере-

шагнул черту.

Я не стала больше ни о чем расспрашивать. Я просто замолчала. Информации было слишком много. Смертельная опасность, души в камнях, пропавшее тело, год жизни в шестнадцатом веке, который равен месяцу в моем... Всё это навалилось на меня огромным, неподъемным грузом. Мне нужно было время, чтобы просто не сойти с ума.

— Хорошо, я поняла вас, — медленно произнесла я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. — И что мне теперь делать? С чего начать?

Старик посмотрел на меня с неожиданной теплотой, скрытой в самой глубине его суровых глаз.

— Не поддавайся отчаянию, — ответил он. — Я обучу тебя всему. Ведь я вижу: скрытая в тебе мощь превосходит ту, которой наделена твоя прародительница. Но впереди у нас долгий путь, и тебе понадобятся силы.

Он повернулся к Джоан:

— А теперь ступай, Джоан. Отведи её домой. Ей необходим покой, чтобы оправиться от столь тяжелого потрясения. Но завтра утром пусть она вернется сюда.

Джоан твердо, но с бесконечной грустью кивнула. В её глазах читалось глубокое разочарование. Я понимала её: наверняка, идя сюда, она лелеяла надежду, что могущественный колдун всё исправит в одночасье, вернет ей дочь, а меня отправит прочь.

Но что я могла поделать? Я хотела того же, ничуть не

меньше её.

Мы вышли из хижины в сгущающиеся сумерки. Мне предстоял долгий путь. Путь в неизвестность, туда, где я никогда не была и быть не должна. Ситуация казалась безвыходной, и мне, похоже, придется с ней свыкнуться.

Пока мы шли к повозке, мои мысли вновь вернулись в двадцать первый век. Что происходит там, в будущем? Или, точнее, что произойдет, когда найдут тела моих подруг, а меня — нет?

И еще одна мысль не давала мне покоя: догадаются ли моя мама и бабушка, что случилось на самом деле? Знали ли они о Даре? Или они, как и я, жили в неведении? А если знали... Если они знали и молчали все эти годы?

Гнев и горькая обида комом подступили к горлу. Оставить меня в неведении, бросить неподготовленной в пучину магии — это было несправедливо. Возможно, они знали и пытались уберечь меня? Но оберегать человека от самого себя, от его собственной сути — насколько это справедливо? И насколько это вообще возможно?

Я подняла глаза к серому, тяжелому осеннему небу. У меня будет время подумать об этом. А когда я вернусь, я обязательно спрошу их. Я потребую ответов.

Но это будет потом. А сейчас... моя новая временная жизнь только начиналась.

Глава 4. Голос крови

Солнце уже село, когда повозка остановилась у ворот поместья. Мы вернулись в полной темноте, и только тусклый свет факелов у входа разгонял густые сумерки.

Едва мы переступили порог, Джоан, даже не сняв плаща, первым делом устремила взгляд в сторону лестницы. Было видно, что все её мысли сейчас заняты внучкой.

— Джоан, — тихо окликнула я её, брезгливо придерживая тяжелый подол. — Могу ли я переодеться? Мое платье безнадежно испорчено...

Я с отвращением чувствовала, как мокрая, грязная ткань липнет к лодыжкам.

Женщина обернулась и тепло, с легкой усталой улыбкой кивнула:

— Конечно, дитя мое. Ступай в свои покои и смени платье. А мне следует навестить Клару. Когда будешь готова, спускайся — мы отужинаем вместе.

Я не стала ничего отвечать, лишь благодарно кивнула и направилась в свою — точнее, в спальню — Авелин.

Оказавшись в комнате, я первым делом подошла к зеркалу. Вид был жалкий. Роскошный бархат на подоле превратился в грязную, намокшую тряпку. Ощущение было ужасным. Мне нестерпимо, до дрожи хотелось в душ. Смыть с себя эту дорожную грязь, эту липкую усталость, этот въевшийся запах сырого леса и страха.

Я потянулась к завязкам платья, но тут же замерла.

«Я не могу просто переодеться, — пронеслось в голове.

— Я чувствую себя грязной с ног до головы. Мне нужно помыться».

Но как это сделать здесь, в тысяча пятьсот двадцать четвертом году? Привычной ванной комнаты с горячей водой из-под крана тут явно не было. Мне нужны были вода, таз, полотенца... хоть что-нибудь. Сама я найти всё это в огромном незнакомом доме точно не смогла бы.

Я вздохнула и вышла обратно в коридор.

Из-за приоткрытой двери комнаты донесся тихий скрип колыбели. Я легонько постучала костяшками пальцев по косяку, чтобы не напугать их. Джоан обернулась на звук, увидела меня и приложила палец к губам:

— Тише... Она спит.

Я на цыпочках вошла в комнату. Здесь было тепло, пахло молоком и успокаивающей лавандой. Джоан стояла у деревянной колыбели, бережно поправляя маленькое одеяльце.

Я подошла ближе и заглянула внутрь. Там спала Клара. Ей было около шести месяцев — совсем крошка. Пухлые розовые щечки, крошечный носик и длинные темные ресницы. Она была само очарование.

Сердце дрогнуло от пронзительной нежности. Рука сама собой потянулась к малышке — мне безумно захотелось прикоснуться к этой бархатной щечке. Но на полпути я резко замерла и одернула руку. Имею ли я право? Я ведь совершенно чужая здесь. Я воровка, укравшая тело её матери.

Джоан заметила мое движение и мою нерешительность.

Она тепло, хоть и с оттенком грусти, улыбнулась:

— Не бойся, Авелин. Можешь коснуться её.

Получив разрешение, я снова осторожно протянула руку и кончиком пальца, едва дыша, провела по мягкой детской коже. Она была нежной, как цветочный лепесток.

— Она такая крошечная... — прошептала я. — Это её комната? Почему она спит отдельно в таком возрасте? Разве она не спала с матерью?

В глазах Джоан отразилась глубокая печаль.

— Разумеется, они спали в одних покоях, — тихо ответила она. — Авелин ни на миг не разлучалась с Кларой, она боготворила это дитя. Лишь когда долг вынуждал её покинуть дом, чтобы собрать в лесу целебные травы, мы забирали дитя к себе. Эту комнату я велела приготовить еще до её появления на свет, чтобы у Клары были собственные покои, когда она немного подрастет. Но теперь...

Голос Джоан предательски дрогнул, обнажив безмерную скорбь:

— ...теперь, когда душа моей дочери заперта в небытии, я обязана неотлучно быть подле девочки. Я должна заменить ей мать.

Её слова ударили меня в самое сердце. Мне стало невыносимо стыдно и горько. Ведь это правда — я стала причиной двойного горя. Я разлучила две пары матерей и дочерей: Джоан с Авелин, и саму Авелин с маленькой Кларой. Этот младенец больше всего на свете сейчас нуждался в маме, в

её тепле и родном запахе, а я заперла настоящую мать где-то глубоко внутри, своим существованием обрекая их на разлуку.

Чувство вины накрыло меня тяжелой волной. Я осторожно коснулась плеча Джоан и, глядя ей прямо в глаза, с искренним сочувствием ободряюще сжала его:

— Всё наладится, Джоан. Я обещаю вам. Клянусь, я верну вашу дочь, а малышке — её мать. Я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы Авелин как можно скорее была с вами.

Джоан благодарно накрыла мою ладонь своей рукой и слабо кивнула. Мы постояли так минуту в тишине, объединенные общей бедой и общей целью.

Наконец, я тихонько отстранилась.

— Джоан... — начала я, чувствуя неловкость от резкого перехода к бытовым вопросам. — Я хотела спросить... Могу ли я как-то помыться? Я вся грязная с дороги, и просто переодеться не поможет. Мне очень нужна вода.

Джоан понимающе кивнула, смахивая непрошеную слезу:

— Ты совершенно права, — тихо ответила она. — Возвращайся в свои покои, дитя. Я распоряжусь, чтобы Марта согрела воду для купания. Вскоре всё будет готово.

— Благодарю, Джоан.

Я еще раз взглянула на спящую Клару и тихо вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

Вернувшись к себе, я в изнеможении опустилась на край кровати и стала ждать. Мне казалось, что грязь въелась мне

в самую кожу.

Минут через пятнадцать дверь отворилась, и вошла женщина в простом, но опрятном платье — видимо, это и была Марта.

Она втащила в комнату довольно большую деревянную ванну. Затем, к моему удивлению, она аккуратно застелила дно и бока плотной белоснежной простыней. И только после этого начала носить горячую воду.

Я с замиранием сердца смотрела, как служанка раз за разом входит в комнату с двумя тяжеленными деревянными ведрами в руках, от которых густо валил пар. Это был адский, каторжный труд. Никаких кранов, никаких насосов. Просто женские руки и сырая тяжесть.

Когда деревянная ванна наконец наполнилась, Марта аккуратно разложила на столике принадлежности: кувшин для ополаскивания, темный брусок мыла и грубую ткань, которую здесь, видимо, называли полотенцем — хотя на ощупь она казалась жесткой, как холст.

Глядя на всё это — просторную комнату, личную служанку, горячую ванну, — я невольно задумалась.

«Состояние моих предков впечатляет... Видно, они совсем не бедствовали. Интересно, чем они занимались? Какое у них было дело, что они могли позволить себе такой дом и прислугу?»

Я так глубоко погрузилась в эти мысли, анализируя богатство семьи Авелин, что даже не заметила, как Марта закон-

чила приготовления. Я очнулась только тогда, когда поймала на себе её пристальный, выжидающий взгляд. Она стояла рядом и смотрела на меня, не двигаясь.

«Черт, она же не знает, кто я на самом деле, — обожгло меня. — Нужно соответствовать эпохе».

Я быстро выпрямилась, слегка прочистила горло и постаралась придать голосу ту самую старинную манеру речи, которую слышала сегодня весь день от Джоан. Получалось, наверное, коряво, но я очень старалась не выдать себя.

— Благодарю тебя, Марта, — произнесла я, стараясь звучать сдержанно и важно. — Ты свободна. Можешь идти.

Женщина удивленно приподняла брови, но с места не сдвинулась:

— Вам не помочь, госпожа? Спину потереть? Волосы промыть?

Я посмотрела на неё, потом на наполненную ванну. Я прекрасно понимала, что для знатной дамы того времени мыться в одиночестве — это, наверное, нонсенс и дурной тон. Но я была человеком двадцать первого века. Раздеться догола перед посторонней женщиной и позволить ей мыть меня, как ребенка? Нет уж, увольте.

К тому же, глядя на раскрасневшееся, блестящее от пота лицо Марты, мне стало её искренне жаль. Она и так натаскала столько воды, а потом ей предстоит всё это вычерпывать ведрами и выносить обратно.

Я твердо покачнула головой:

— Нет. Иди. Я сама со всем справлюсь. Я позову тебя, когда будет нужно.

Марта ничего не ответила, лишь покорно склонила голову в знак согласия и бесшумно вышла за дверь, оставив меня одну.

Когда тяжелая дверь за служанкой закрылась, я принялась расшнуровывать платье. Это оказалось настоящим испытанием. Ткань была тяжелой, плотной, а шнуровка — тугой и запутанной. Я уже сто раз пожалела, что не попросила Марту помочь мне хотя бы с этим, но упрямая гордость не позволяла позвать её обратно.

С горем пополам стянув с себя эту бархатную броню, я осталась совершенно нагой перед небольшим зеркалом в тяжелой раме.

Я подняла руки к голове, чтобы распустить волосы, которые до этого были собраны в очень тугую, красиво уложенную косу. Стоило мне освободить их, как тяжелые пряди роскошным водопадом рассыпались по плечам и спине. Я замерла, пораженная тем, какими же они оказались длинными и густыми — эти волны доходили почти до самых бёдер. У меня тоже были красивые, длинные волосы, — но не настолько. Мои доходили лишь до поясницы, а у неё они поистине шикарные.

Я лучше присмотрелась к своему отражению. Точнее, к отражению истинной хозяйки этого тела. Мы были удивительно, пугающе похожи. Словно две капли воды. Мой

взгляд скользнул по фигуре, в точности, повторяющей мою собственную. Тот же рост, примерно метр шестьдесят восемь. «Надо же, ростом мы тоже почти одинаковые», — мысленно отметила я. Силуэт в зеркале был стройным, с изящной узкой талией, но отнюдь не излишне худощавым: красивая высокая грудь, округлые бёдра — тело Авелин обладало прекрасными, женственными формами.

«Невероятно... — подумала я, медленно проводя рукой по талии. — Как я могла родиться её копией спустя пятьсот лет? То ли в нашем роду все женщины были на одно лицо, то ли это уникальная связь именно между нами двумя».

Единственное, что выдавало разницу веков, — это гладкость кожи. Нет, Авелин была чистой и ухоженной, это было видно сразу. Но я, дитя двадцать первого века, привыкла к идеальной гладкости, к лазерной эпиляции и бритвам. Здесь же такой роскоши не было. На ногах и руках виднелся легкий, естественный пушок. Было заметно, что она пыталась избавляться от волос доступными ей способами, но до современных стандартов было далеко.

Я отвернулась от зеркала и, наконец, погрузилась в горячую воду.

Тепло мгновенно окутало тело, расслабляя зажатые мышцы. Я откинула голову на деревянный бортик, прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

На одно короткое, блаженное мгновение мне показалось, что я дома. Что я лежу в своей удобной акриловой ванне, в

своей квартире, с пушистой пеной и ароматическими свечами. Что всё, что произошло сегодня, — лишь дурной, затянувшийся кошмар. Что стоит мне открыть глаза, и я увижу белый кафель и сверкающий хромированный кран...

Я открыла глаза.

Надо мной нависал потемневший от времени, грубый деревянный потолок с массивными балками. В углу мерцала оплывшая свеча.

Реальность обрушилась на меня с новой силой. Ком в горле, который я упрямо сдерживала весь день, вдруг стал невыносимым. Губы предательски задрожали.

Я больше не могла быть сильной. Я не могла больше играть роль невозмутимой ведьмы.

Слезы хлынули из глаз сами собой. Я подтянула колени к груди, обхватила их мокрыми руками, уткнулась в них лбом и зарыдала. Глухо, навзрыд, выпуская всю накопившуюся боль, липкий страх и отчаяние.

Я ненавидела себя такой. Слабой. Беспомощной. За свои двадцать лет я привыкла всегда держать всё под контролем. Я была старшим ребенком в семье, примером для подражания. Я всегда находила выход из любой ситуации и никогда не падала духом.

У меня была идеальная жизнь. Я с отличием окончила школу, поступила в университет на архитектора. У меня была замечательная семья: папа — инженер, мама — врач, они никогда ни в чем нам с братом не отказывали. Мой младший

брат, семнадцатилетний Даниэль, учился в колледже... Мы жили счастливо и спокойно.

А мои девочки... Мои подруги.

Перед глазами поплыли картинки из прошлого. Я вспомнила, как мы познакомились. Мы переехали в новый район, я пошла в новую школу и чувствовала себя такой чужой и одинокой... И тогда появились они.

Кэтрин была моей одноклассницей. София, Лили и Саманта учились на год младше нас, им сейчас всего по девятнадцать. Мы так быстро сдружились. Стали неразлучны. Годы шли, мы выросли, менялись, но наша дружба оставалась неизменной. Мы были настоящей семьей.

А сейчас?

Из-за меня, из-за моего дурацкого любопытства, из-за этой проклятой книги они лежат там, на холодном полу, как бездушные куклы. Я не знаю, нашли ли их уже. Не знаю, что с ними будет. И не знаю, смогу ли я их спасти.

Эта мысль разрывала меня на части. Я сидела в остывающей воде, в чужом теле, в чужом веке, и плакала так горько, как никогда в жизни.

Я просидела так, наверное, еще минут тридцать, тупо глядя в одну точку, пока вода не остыла окончательно, покрывая кожу колючими мурашками.

«Хватит, — приказала я себе. — Слезам делу не поможет».

Я зачерпнула прохладную воду ладонями, умыла лицо,

смывая следы слез, и наконец отмыла с себя въевшуюся дорожную грязь. Выбравшись из деревянной ванны, я растерлась жестким полотенцем до красноты.

Подойдя к массивному шкафу, я наугад вытащила просторное, легкое платье — кажется, домашнее. Надев его, я принялась сушить волосы полотенцем.

В это время в дверь деликатно постучали.

— Войдите, — окликнула я.

Это была Марта. Увидев, что я уже закончила и стою одетая, она почтительно склонила голову:

— Велите убрать воду, госпожа?

Я кивнула:

— Да, Марта. Пожалуйста. И... спасибо тебе большое.

Служанка тепло улыбнулась мне и подошла к тяжелой деревянной ванне. Я инстинктивно дернулась к ней, чтобы помочь — ну не могла я спокойно смотреть, как женщина надывается! Но Марта резко выпрямилась, округлив глаза:

— Что вы, госпожа! Не надо! Отдохните, я сама управлюсь.

Я замерла. Черт, я снова чуть не выдала себя. Я ведь понятия не имела, как вела себя настоящая Авелин. Была ли она строгой хозяйкой или доброй? Помогала ли слугам или даже не замечала их?

Решив не рисковать, я просто кивнула и отошла в сторону, стараясь не мешать.

Марта оказалась на удивление ловкой и сильной. Минут

через пять в комнате уже было пусто и чисто, будто и не было никакой воды.

Когда волосы немного подсохли, я собрала их в небрежный пучок и, почувствовав легкий сквозняк, накинула на плечи теплую шерстяную шаль, которую нашла на спинке кресла.

Я вышла из комнаты и направилась вниз.

Внизу меня уже ждала Джоан. Она сидела в просторном зале, который служил и столовой. Комната была невероятно красивой: высокий камин, в котором весело трещали поленья, тяжелые портьеры, массивная резная мебель. Было видно, что всё здесь выбрано с большим вкусом и стоит немалых денег.

Джоан, увидев меня, встала и мягким жестом указала на стул напротив себя:

— Садись, Ави. Надеюсь, наш ужин придется тебе по вкусу. Должно быть, он отличается от того, к чему ты привыкла в своем веке, но наша Сара готовит превосходно.

Я мысленно отметила новое имя — Сара. Значит, кухарка. Марта — горничная. Был еще кучер...

«Интересно, сколько же у них всего слуг? — удивилась я про себя. — Содержание такого дома требует серьезных средств».

Но вслух я ничего не сказала. Я просто вежливо улыбнулась и села на указанное место.

И только когда я посмотрела на стол, у меня закружи-

лась голова. Аромат жареного мяса, свежего хлеба и тушеных овощей ударил в нос. Я вдруг осознала, что с самого вечера — с того самого вечера в двадцать первом веке — у меня ни крошки во рту не было.

«Господи, как я вообще продержалась столько времени? — пронеслось в голове. — Ни еды, ни воды, один сплошной стресс».

Желудок предательски заурчал, подтверждая мои мысли. Джоан, словно прочитав это на моем лице, сочувственно покачала головой:

— Ты, должно быть, совсем ослабла от голода. Прости меня. Столько потрясений выпало на нашу долю, что я за весь день не предложила тебе ни куска.

Я отмахнулась, потянувшись к куску хлеба:

— Ничего, Джоан. Я и сама не вспоминала о еде до этой минуты. Но сейчас... вы правы. Я ужасно голодна, а всё это выглядит просто божественно и пахнет невероятно аппетитно.

Я взяла ломоть свежего хлеба, но тут же замерла, не решаясь начать первой. Этикет — штука тонкая, особенно в прошлом. Джоан заметила мою заминку, тепло улыбнулась и тоже потянулась к плетеной корзинке с хлебом, кивком приглашая меня приступить.

Получив безмолвное разрешение, я тут же накинулась на еду. Кусок жареного мяса оказался невероятно сочным и мягким, он буквально таял во рту, насыщая и возвращая си-

лы.

Когда первый, самый острый голод был утолен, я решилась нарушить тишину. Меня мучил один вопрос, ведь за огромным столом нас было только двое.

— Джоан... — начала я осторожно, тщательно вытирая жирные от мяса пальцы тканевой салфеткой. Вилка на столе не было, и мне было дико есть руками, но я старалась не подавать виду. — Я хотела спросить кое-что... Возможно, это прозвучит неуместно, но... У вас есть муж?

Она посмотрела на меня с легкой, доброй улыбкой:

— Это справедливый вопрос, дитя мое. Вполне естественно желать узнать, под чьей крышей ты находишься. Да, разумеется, у меня есть супруг. Его зовут Уильям Миддлтон. Но сейчас его нет в поместье, он в отъезде по торговым делам.

Я кивнула, но любопытство разгорелось во мне лишь сильнее. Заметив, что я хочу задать еще один вопрос, но не решаюсь, Джоан ободрила меня мягким взглядом:

— Спрашивай. Что еще ты желаешь узнать?

Я вежливо улыбнулась:

— А чем занимается ваш супруг? Каково его дело? Если это не секрет, конечно.

Джоан гордо расправила плечи:

— В этом нет никакой тайны. Мой супруг ведет обширную торговлю. Он занимается благородными металлами — серебром и золотом.

Я удивленно вскинула брови и понимающе кивнула. Те-

перь всё встало на свои места. Роскошный дом, прислуга, дорогая одежда, обильная еда... Купцы, торгующие золотом и серебром, в эти времена обладали колоссальными состояниями и жили порой не хуже знати. Повезло мне с «родственниками», ничего не скажешь.

После ужина Джоан деликатно промокнула губы салфеткой и предложила:

— Нам следует поговорить наедине. Не желаешь ли присесть у камина?

— С удовольствием, — тут же согласилась я.

Я и сама жаждала этого разговора. Раз уж мне суждено задержаться здесь на целый год (или на месяц по моему времени), мне нужно было знать всё до мельчайших деталей. Имена слуг, родственников, друзей семьи. Я должна была заучить свою новую жизнь наизусть, чтобы ни одна живая душа не заподозрила подмены.

Расположившись у огня, я буквально засыпала Джоан вопросами. Меня интересовало всё: имена и нравы соседей, подробности о её муже, привычки самой Авелин, её манеры, любимые словечки. Я должна была перенять её образ настолько безупречно, чтобы ни у кого не возникло ни малейших подозрений.

Джоан терпеливо отвечала, разъясняя каждую мелочь. Она, в свою очередь, пыталась расспрашивать меня о грядущем, но я отвечала уклончиво, стараясь не вдаваться в подробности. Я понимала: людям прошлого лучше знать как

можно меньше о будущем. Знание — вещь опасная, способная изменить ход истории.

И чуть не позабыла о главном! С самых первых минут, пытаясь подражать поведению Авелин, я чувствовала себя крайне неудобно, обращаясь к Джоан с таким почтительным достоинством. В моем мире всё было иначе, и это официальное «вы» по отношению к матери резало слух, казалось холодным и чужим. В конце концов, я не выдержала и прямо спросила Джоан, как мне подобает называть её, когда рядом есть свидетели.

Она ответила без тени сомнения: в их кругу к матери принято обращаться лишь «мадам» или «леди Джоан».

Это знание принесло мне странное облегчение. Официальный тон и обращение на «вы» воздвигли между нами невидимый барьер, за которым мне стало спокойнее. Называть Джоан «мамой» на людях казалось бы мне чем-то вроде предательства по отношению к той, что вырастила меня в другой жизни, а сдержанное «леди Джоан» позволяло соблюдать правила приличия, не переступая через себя. Этот этикет стал для меня надежной броней в мире, где всё вокруг было таким чужим.

Вскоре усталость взяла свое, и мы разошлись по спальням.

Постель оказалась мягкой, а белье — на удивление чистым и свежим, пахнущим успокаивающей лавандой. Это меня порадовало. Я укрылась тяжелым одеялом, немного по-

думала о завтрашнем дне и предстоящей встрече с Балдриком, и сама не заметила, как провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснулась я внезапно, словно от толчка.

В доме стояла глухая ночная тишина, которую нарушал лишь один звук — плач ребенка. Это была Клара.

Я лежала в темноте минут десять, надеясь, что малышка успокоится, но плач становился только громче и надрывнее. Сердце сжалось. Я не выдержала. Накинув на плечи первое, что попало под руку, я вышла в коридор и направилась в комнату Джоан.

Дверь была приоткрыта. Джоан ходила кругами по комнате, укачивая внучку, но та никак не унималась. Лицо женщины было серым от усталости и тревоги.

— Боже, Джоан... — прошептала я, входя. — Дайте её мне, я помогу.

Джоан отрицательно качнула головой, крепче прижимая к себе сверток:

— Нет, Авелин. Иди к себе. Тебе нужно выспаться перед встречей с колдуном.

Но в этот момент в дверях появилась Марта со свечой в руке. Она выглядела заспанной и встревоженной. Увидев нас двоих, она замерла:

— Госпожа Джоан? Что-то стряслось? Плач малютки слышен даже в крыле для слуг. Я полагала, девочка с матерью...

У меня внутри всё похолодело. Если слуги поймут, что я

сплю отдельно и не подхожу к собственному ребенку, поползут слухи.

Но Джоан среагировала мгновенно:

— Всё в порядке, Марта. Клара была у Авелин. Она только что принесла её ко мне, чтобы немного отдохнуть. Но малышка никак не успокоится — должно быть, у неё болит живот. Ступай спать, Марта. Мы справимся сами.

Служанка перевела взгляд с меня на Джоан, потом вежливо поклонилась:

— Как прикажете, госпожа.

Она вышла, оставив нас одних.

Как только шаги Марты стихли в коридоре, я решительно подошла к Джоан и протянула руки:

— Дайте её мне, — твердо сказала я.

Стоило маленькому теплому тельцу оказаться у меня на руках, как внутри меня что-то дрогнуло. Это было странное, незнакомое чувство — словно само тело Авелин отозвалось на близость дочери. Ей, той, что была заперта внутри меня, было невыносимо слышать, как мучается её дитя.

И, к моему изумлению, малышка мгновенно затихла. Она уткнулась носиком мне в грудь, жадно вдыхая запах — запах родной матери.

Только тогда я ощутила это — болезненное сжимание, тяжесть в груди. Малышка завозилась, открывая ротик и тыча в ткань сорочки. Она искала.

— Она просит молока, — с ноткой грусти и безысход-

ности прошептала Джоан, опустив руки. — Она ищет свою мать.

Я растерянно посмотрела на женщину. Я, современная девушка, у которой никогда не было детей, внутренне сжалась от этих слов. Но в этот момент фраза вылетела из моего рта сама собой, будто её произнесла не я, а сама Авелин, используя мои губы:

— Может... мне покормить её?

Я до этого момента не чувствовала никаких изменений в теле, но сейчас налитая тяжесть стала почти болезненной. Природа брала свое. Тело требовало выполнить свой долг.

Джоан посмотрела на меня с надеждой, смешанной с сомнением:

— А ты сумеешь?

Я ответила ей абсолютно растерянным взглядом. Понятия не имею. Но дух матери внутри меня, казалось, вопил: «Корми её!».

— Сумею, — кивнула я, хотя сердце бешено колотилось. — Не морить же дитя голодом.

Я присела на край кровати Джоан. Дрожащими руками расшнуровала ворот ночной сорочки.

Это было... странно. Ощущения были просто неопишными. С одной стороны — дикая неловкость, возмущение моего разума, легкая физическая боль и непривычное тянущее чувство. Но с другой стороны...

Глядя, как малышка жадно припала к груди и успокои-

лась, как расслабились её крошечные кулачки, я почувствовала, как меня накрывает волна иррационального, глубокого покоя. Я давала жизнь. Я — или тело, в котором я жила — делала то, что должна была. И в этой тишине ночной комнаты, под мерное сопение ребенка, я вдруг почувствовала себя не чужой, а частью чего-то большего.

Вскоре Клара насытилась и мирно засопела. Я держала её на руках и понимала, что не хочу отпускать эту спящую кроху — так сладко она спала. Но разум твердил, что мне тоже нужно выспаться.

Я осторожно переложила Клару в колыбель и поправила ворот сорочки. Джоан подошла ко мне и, благодарно положив руку мне на плечо, тихо произнесла:

— Благодарю тебя, Авелин. Сердце разрывалось, когда она плакала. Я весь день пыталась поить её коровьим молоком, но малышка лишь плакала и отказывалась глотать. Как бы я ни старалась, ничто на свете не заменит ребенку материнского молока.

Я почувствовала острый укол вины.

«Ведь это я забрала у неё мать... — пронеслось в голове. — Надеюсь, это ненадолго. Скоро она обретет её вновь».

Вслух я ничего не сказала, лишь неловко обняла Джоан в ответ. Она улыбнулась мне с безграничной материнской теплотой. Пожелав ей доброй ночи, я вышла из комнаты и направилась к себе. Несмотря на бурю переживаний, усталость взяла своё, и я почти мгновенно провалилась в сон.

Глава 5. Уроки магии

Утро встретило меня шумом дождя за окном. Небо затянуло тяжелыми серыми тучами, обещающими промозглый день.

Я привыкла вставать рано. Когда в дверь моей комнаты постучала Джоан, я была уже полностью одета и причесана. Она вошла и, увидев меня готовой, удивленно вскинула брови:

— Ты уже на ногах. А я полагала, что ты еще спишь после вчерашних волнений с Кларой. Надеюсь, тебе удалось хорошо отдохнуть?

Я подошла к ней, поправляя жесткие манжеты платья:

— Не волнуйтесь, Джоан. Всё в порядке, я хорошо выспалась. Вы пойдете со мной сегодня к Балдрику?

Женщина кивнула:

— Да. Сегодня я провожу тебя и покажу дорогу во всех подробностях. Но впредь тебе предстоит совершать этот путь одной.

Я благодарно кивнула. Мы спустились вниз, быстро позавтракали и вышли во двор.

На улице было сыро и зябко. Я любила дождь, когда под него можно было пить кофе у окна, разглядывая цветущий город. Но здесь моя романтика разбилась вдребезги. В мире, начисто лишенном асфальта, весь двор превратился в одно большое месиво из грязи и луж.

Наученная горьким опытом вчерашнего дня, я сразу же высоко подхватила тяжелый подол, чтобы не испачкать бархат. Заметив это, Джоан едва заметно улыбнулась — мол, быстро учишься.

Забравшись в крытую повозку, мы направились в лес. Путь под дождем казался еще более мрачным, но вскоре колеса остановились у знакомой тропинки. Дальше мы, как и в прошлый раз, пошли к хижине пешком.

Подойдя к темной двери, я решительно подняла руку и дважды стукнула по влажному дереву.

— Входите, — тут же раздался изнутри скрипучий голос старика.

Всё было привычно, как и вчера. Балдрик стоял возле небольшого чугунного котла, подвешенного над очагом, и помешивал какое-то варево. В хижине приятно пахло травами, особенно сильно чувствовался терпкий аромат розмарина.

Колдун обернулся, когда мы переступили порог. Я поприветствовала его так же, как и Джоан — почтительно склонив голову. В ответ он лишь коротко кивнул и молча указал нам на грубые деревянные стулья.

— Как прошла твоя первая ночь в нашем веке, гостя из будущего? — спросил он, не отрываясь от котла.

— Благодарю вас, мастер Балдрик, — ответила я, стараясь держать спину ровно. — Ночь прошла спокойно, хотя здешний уклад мне всё ещё непривычен.

Он усмехнулся в бороду и вновь склонился над своим варевом. Спустя некоторое время маг отложил черпак, вытер руки о плотный фартук и сел напротив нас, пронзительно глядя на меня выцветшими глазами.

— Итак, дитя иного века... с чего мы начнем?

Я не выдержала. Это обращение начинало резать слух, превращая меня в какую-то безымянную куклу.

— Мастер Балдрик, — твердо произнесла я, хотя внутри всё сжалось от собственной дерзости. — Мое имя — тоже Авелин. Прошу вас, называйте меня по имени.

Я сказала это с легкой растерянностью, всё ещё не зная, как правильно вести себя с могущественным колдуном, но мне хотелось хоть какой-то определенности. Вернуть себе свое имя.

Он удивленно приподнял густую бровь, разглядывая меня с новым интересом:

— Итак, Авелин, — задумчиво произнес он, словно пробуя это имя на вкус. — Пора приступить к твоему обучению.

Старик тяжело поднялся, опираясь на свою сучковатую трость, и пошаркал вглубь комнаты, скрывшись в темноте одного из углов. Через пару минут он вернулся, неся в руках огромную книгу.

Фолиант был поистине массивным. Толстым, тяжелым, дышащим древностью. Балдрик с глухим стуком опустил его на дубовый стол, поднимая легкое облачко пыли.

— Вот твой истинный наставник, — торжественно произ-

нес он. — В этих страницах заключены знания, которые тебе предстоит постичь.

Я заворуженно смотрела на книгу. Она притягивала взгляд, словно магнит. Переплет из темно-коричневой, потертой от времени кожи казался теплым даже на вид. От неё исходила ощутимая, тяжелая энергия — сразу было видно, что вещь эта магическая.

Я привстала и подошла к столу, осторожно коснувшись пальцами шершавого корешка. Судя по толщине тома, в нем были несколько тысяч страниц. Целая колдовская библиотека под одной обложкой.

Я уже потянулась, чтобы открыть её, но резкий окрик старика остановил мою руку в дюйме от переплета:

— Не сейчас, Авелин! Сперва мне необходимо кое-что выяснить и испытать твою кровь.

Я отдернула руку и обернулась, вопросительно глядя на него. Но Балдрик ничего не стал объяснять. Он подошел к очагу, где над огнем висел тот самый котел, в котором он что-то помешивал до нашего прихода.

— Возьми котел и следуй за мной, — велел он.

Спорить было бесполезно. Я обмотала горячую дужку плотным куском ткани, сняла котел с огня и, стараясь не расплескать зелье, последовала за колдуном.

Мы вновь, как и вчера, спустились в сырой подвал, где хранилось магическое зеркало. Джоан молча шла следом за нами, её лицо было напряженным.

Внизу Балдрик указал мне на небольшой деревянный стол в углу:

— Поставь его здесь.

Затем он кивнул на полку:

— Подай мне ту широкую чашу.

Я беспрекословно повиновалась. Сняла с полки деревянную чашу и опустила её на стол. Балдрик перехватил у меня котел и осторожно вылил всё его дымящееся, густое содержимое в подготовленную емкость. Терпкий запах трав многократно усилился, заполняя тесное пространство подвала.

— Руку, — бросил он. — Протяни руку над зельем.

Я замерла в недоумении. Сначала посмотрела на Джоан, ища поддержки, но та лишь внимательно наблюдала за нами, сложив руки на груди. Затем я перевела взгляд на Балдрика. Старик ждал, нетерпеливо шевеля длинными пальцами.

Выбора не оставалось. Я осторожно, с замиранием сердца протянула ему правую ладонь.

Балдрик схватил моё запястье своей цепкой, словно птичья лапа, рукой. Его движения были молниеносными. В другой руке у него сверкнуло что-то острое — и в ту же секунду он с силой вонзил лезвие мне в безымянный палец.

Всё произошло так быстро, что я даже не успела испугаться.

— Ай! — только и вырвалось у меня.

Острая боль пронзила палец, но колдун не отпускал меня. Он с силой надавил на ранку, заставляя кровь выступить

быстрее, и позволил тяжелым красным каплям упасть прямо в зелье.

— Довольно, — отрывисто бросил он, наконец разжимая хватку.

Я тут же выдернула руку и с возмущением посмотрела на него, прижимая к губам пульсирующий от боли палец. Во рту появился соленый металлический привкус.

После того как алые капли крови растворились в зелье, окрасив его в тускло-багровый цвет, Балдрик отошел к стеллажам. Он взял одну из запыленных стеклянных банок с мутной жидкостью, откупорил её и, запустив туда пальцы, выудил... глаз.

Настоящий глаз! С белесым зрачком и обрывками нервов.

Я в ужасе отшатнулась, едва не наступив на подол, и инстинктивно вцепилась в локоть Джоан, ища защиты. Желудок подкатил к горлу.

Заметив мой перекошенный от страха вид, старик поднял взгляд и усмехнулся:

— Не пугайся, дитя. Это кошачий глаз, а не человеческий.

«Если честно, от этого мне не стало легче», — подумала я, с трудом подавляя тошноту. Но вслух я ничего не сказала, лишь с опаской наблюдала за его действиями.

Балдрик бросил глаз в чашу с зельем и кровью. Жидкость угрожающе зашипела. Старик навис над сосудом, вглядываясь в бурлящую глубину.

Он смотрел долго, не моргая. Прошло минут пять, а мо-

жет, и больше. В тишине подвала было слышно только наше дыхание и тихое потрескивание зелья. Выражение лица колдуна менялось каждую секунду: он то хмурил густые брови, то удивленно вскидывал их, то смотрел с мрачным возмущением, словно спорил с кем-то невидимым в глубине чаши.

Мы с Джоан, затаив дыхание, следили за каждым его движением.

Наконец Балдрик резко выпрямился и выдохнул коротко и хрипло:

— Вот оно что... Теперь всё ясно.

Он накрыл чашу куском плотного сукна, пряча содержимое от наших глаз. Ничего не объясняя, он двинулся к лестнице, коротким жестом велел нам следовать за ним.

Когда мы поднялись обратно в хижину, Балдрик тяжело опустился в свое резное кресло. Мы с Джоан сели напротив, чувствуя, как в комнате нарастает звенящее напряжение.

Старик пронзил меня тяжелым взглядом и заговорил. Голос его звучал глухо и торжественно:

— Слушай меня внимательно, Авелин. Твое появление в этом времени не случайно. Весь твой род проклят.

Я замерла.

— И, быть может, твой приход — это единственный шанс снять это клеймо, — продолжил он, глядя мне прямо в душу. — Провидение не просто так привело тебя сюда. Твоя душа перенеслась в тело прародительницы — в ту самую Авелин, на которую и пало проклятие. Она — источник. Из-за неё твой

род, сквозь века и вплоть до твоего времени, несет на себе эту страшную печать.

Мы с Джоан потрясенно переглянулись. В её глазах застыл немой ужас. Я открыла рот, чтобы задать вопрос, но Джоан опередила меня. Материнское сердце заговорило в ней быстрее, чем страх перед магом.

— Что за немыслимые вещи ты говоришь, Балдрик?! — воскликнула она, подавшись вперед. — Какое еще проклятие? Моя Авелин проклята? О чем ты говоришь?!

Балдрик медленно и сурово кивнул, не сводя глаз с перепуганной женщины:

— Я говорю лишь суровую правду, Джоан. Твоя дочь отмечена тьмой. И печать эта лежит на ней уже давно.

Лицо Джоан сделалось мертвенно-бледным.

— Как такое возможно?! — выдохнула она с надрывом, судорожно прижимая руку к груди. — Кто посмел сотворить подобное? Кто проклял мою девочку?

Балдрик ничего не ответил сразу. Он лишь тяжело посмотрел на неё, а затем перевел пронзительный взгляд на меня.

Я судорожно сглотнула, но заставила себя выпрямиться под его взглядом.

— И я... я тоже проклята? — тихо спросила я.

— Да, — кивнул он без тени жалости. — Как и все женщины в твоём роду.

Он постучал костлявым пальцем по дубовому столу, че-

каня каждое слово:

— Но проклятие это настигает не всех, а лишь тех, кому передан Дар. Колдовская мощь в вашем роду пробуждается не в каждой женщине — магия являет себя лишь спустя поколения. Лишь изредка на свет появляется та, в чьих жилах течет древняя сила. Та, чьи волосы отливают огнем. Это ваше благословение... и ваша метка.

Я невольно потянулась рукой к своим волосам. Рыжим. Как и у моей прабабушки, и у истинной Авелин, в чьем теле сейчас была заперта я. Значит, моя мама и бабушка были обычными людьми, лишенными магии, поэтому они ничего не знали о проклятии. А на мне древняя кровь заявила о себе.

— А кто проклял нас? — спросила я, чувствуя, как внутри всё леденеет. — Кто это сделал?

Балдрик недовольно поджал губы и, прищурившись, взглянул на Джоан. В его глазах читался суровый укор — он явно искал ответ в ней. Он был уверен: мать знает.

Под этим тяжелым, испытывающим взглядом колдуна Джоан сжалась. Она отчаянно замотала головой:

— Не смотри на меня так! Видит Бог, я не знаю, кто желал зла моей дочери!

— Знаешь, — жестко перебил её Балдрик. — Быть может, ты не называла это проклятием, но тебе прекрасно известно, откуда пришла беда. Её проклял тот, чей гнев вы на себя навлекли. Тот, кто одной крови с её покойным мужем.

Эти слова оглушили Джоан. В её глазах вспыхнула страшная догадка. В отчаянии покачав головой, она прижала ладони к побледневшему лицу:

— Этого не может быть... Неужели он? Но разве под силу обычному человеку, не наделенному Даром, наложить проклятие? Одним лишь злым словом?

Она говорила это не нам, а скорее самой себе, всё еще отказываясь верить в страшную истину.

Балдрик тяжело вздохнул, положил обе руки на набалдашник своей трости и, склонив голову, произнес:

— Слово, брошенное в великой злобе или в безмерном горе, порой разит сильнее любого заклятия. Ведь кровь взывает к крови. Но в тот день этому проклятию послужили не только слова, но и магия.

Он устремил на неё строгий взгляд:

— Вспомни, Джоан. Тот день, когда Эдмунда предавали земле. В видении я отчетливо видел могилу, похороны. А рядом стояла заплаканная Авелин. Что там произошло?

Внезапно воздух в комнате показался мне раскаленным. Грудь сдавило ледяным обручем, да так сильно, что я пошатнулась.

Это была не моя боль. Она накатила изнутри темной, удушливой волной — чужая, но такая острая, что у меня потемнело в глазах. Я физически почувствовала, как душа настоящей Авелин внутри меня сжалась в комок от невыносимой муки.

Осознание вины — жгучее, разъедающее — ударило по мне. Это она, та Авелин, сейчас умирала от горя внутри моего тела. Она слышала правду. Она поняла, что стала причиной проклятия своего рода.

Я судорожно схватилась рукой за горло, словно пытаюсь ослабить невидимую удавку, а другую руку прижала к сердцу, которое колотилось так, что готово было проломить ребра. Я сгорбилась, хватая ртом воздух, силясь удержать в груди рвущийся наружу крик отчаяния. Глаза мгновенно наполнились горячими слезами, которые я не могла остановить.

Джоан, уже открывшая было рот, чтобы ответить Балдрику, осеклась. Увидев мое побелевшее лицо и трясущиеся плечи, она тут же оказалась рядом. Её теплая ладонь крепко легла мне на спину.

— Что с тобой, дитя мое? — с испугом воскликнула она, заглядывая мне в лицо. — Что случилось? Тебе плохо?

Я замотала головой, не в силах сразу заговорить.

— Ничего... — с трудом прохрипела я, глотая слезы. — Это Авелин... Это она.

Я подняла на Джоан мокрые глаза:

— Это не я плачу, Джоан... Это её боль. Ей так больно сейчас, что сердце разрывается... Она всё слышит. Она винит себя. Боже, как же ей больно!

От моих слов лицо Джоан исказилось, она сама едва устояла на ногах, прижав дрожащую руку к губам. Ей стало жутко от осознания того, что страдающая душа её дочери сейчас

была так близко — и так недосыгаема.

В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь моим прерывистым дыханием.

Но я понимала: нельзя поддаваться слабости. Мы здесь не для того, чтобы оплакивать прошлое, а чтобы спасти будущее.

Неимоверным усилием воли я сделала глубокий, дрожащий вдох и резко выпрямилась, сбрасывая оцепенение. Тыльной стороной ладони я жестко вытерла слезы со щек.

— Ничего, — твердо сказала я, глядя Джоан прямо в глаза, хотя голос мой всё еще дрожал. — Продолжайте, Джоан. Мы ведь за этим сюда пришли. Не останавливайтесь. Говорите всё до конца.

Балдрик всё это время молча наблюдал за моим состоянием. Удостоверившись, что я овладела собой, он вновь обратился к матери:

— Джоан! Ты не дала ответа. Помнишь ли ты похороны Эдмунда?

При упоминании имени зятя Джоан вздрогнула.

— Как не помнить... Страшный был день. Небо черное, непроглядный ливень...

— Говори же! — рявкнул Балдрик, ударив тростью об пол. — Кто был там? Что произошло у могилы?

Джоан бессильно опустила руки. Её взгляд затуманился, обратившись к прошлому.

— Его дядя... лорд Дарси, — прошептала она. — Он за-

менил Эдмунду отца, когда тот осиротел. Человек знатный, властный... Но этому союзу он воспротивился с самого начала.

Лицо Джоан исказилось от давнего страха и горечи:

— Он возненавидел Авелин с первого же взгляда. Не знаю откуда, но он подозревал, что в ней кроется тьма, что она наделена дьявольским даром. Твердил, что Эдмунд, наследник древнего рода, не должен марать кровь связью с... — она осеклась.

— ...ведьмой? — закончил за неё Балдрик.

Джоан опустила глаза:

— Да. Он был убежден, что она околдовала его племянника.

— И что случилось на церковном дворе? — жестко спросил старик.

Джоан закрыла лицо руками, её плечи содрогнулись:

— Когда гроб опускали в могилу... Дарси обезумел от горя. Схватив горсть сырой земли у края могилы, он набросился на Авелин и бросил её прямо в неё. В исступлении кричал при всех, что это она его погубила. Что она выпила его жизнь своим колдовством.

Я слушала, затаив дыхание. Перед глазами живо вставала эта мрачная картина: старый церковный двор, проливной дождь, разверстая могила и обезумевший лорд, проклинаящий молодую вдову.

— И тогда он произнес те слова, — прошептала Джоан,

раскачиваясь из стороны в сторону. — В слепой ярости, глядя ей прямо в глаза, он бросил: «Я всему свету явлю, кто ты есть! Исчадие ада! Будь проклята — и ты, и весь твой род до скончания веков! Не знать вам покоя на этой земле, как мне более не суждено увидеть моего сына!»

Балдрик понимающе, но мрачно кивнул.

— С того самого дня Дарси сделался словно одержимый, — продолжила Джоан, утирая слезы. — Он открыл на Авелин настоящую охоту. Клялся, что, едва найдет доказательства, собственноручно предаст её огню. От Клары он отрекся, назвав малютку исчадием ада... Благо, последние два месяца его нет в городе. Соседи болтают, будто он окончательно переехал во Францию. Вероятно, осознав, что Авелин не покидает безопасных стен дома, он бросил свою безумную затею. Должно быть, отчаялся найти хоть что-то и наконец понял, что она чиста перед ним. Мы с Авелин только-только вздохнули с облегчением, как нагрянула новая напасть.

— Так вот оно что, — тихо, но веско произнес Балдрик. — Потому твоя дочь и перестала приходить ко мне? Оставила обучение, спрятала свой дар?

Джоан виновато кивнула, глотая слезы:

— Она испугалась. Знала: малейшая ошибка, малейшая искра силы — и Дарси погубит нас всех.

Балдрик посмотрел на неё с суровой укоризной:

— Джоан, Джоан... Зачем же ты утаила это от меня? Я мог бы воздвигнуть защиту, убереечь её, прежде чем эти слова

отравили вашу кровь.

В этот момент я, не в силах больше молчать, вмешалась в разговор:

— Мастер Балдрик, это всё ужасно... Но вы знаете, как снять это проклятие сейчас? Есть ли способ?

Колдун медленно покачал головой:

— Нет, дитя. Я не знаю, как разрушить его. Слова Дарси, брошенные над открытой могилой в час великой скорби, обрели силу нерушимого закона. Проклятие уже пустило корни в вашем роду, стало ядом в самой вашей крови.

— А в чем именно оно заключается? — спросила я, пытаясь понять его логику. — Вы сказали, что весь род несчастен. Но я... доподлинно ничего не знаю о своей прабабушке. Помню её лишь смутно, из раннего детства. Но моя бабушка и мама жили обычной, счастливой жизнью...

Балдрик посмотрел на меня с мрачной решимостью:

— Природа этого проклятия безжалостна: женщины вашего рода, отмеченные Даром, никогда не познают счастья в любви. Стоит любой из вас вступить в брак, и не пройдет трех лет, как смерть заберет её супруга.

У меня перехватило дыхание. Три года. Ровно столько прожила настоящая Авелин со своим Эдмундом. Значит, после похорон лорд обрек каждую одаренную из нашего рода на ту же участь — скорое и неминуемое вдовство.

— И так будет из поколения в поколение, — продолжал старик, — пока вы не закроете свои сердца для любви. Но

есть и другая часть этой кары. В вашем роду более не суждено рождаться мужчинам. А если мальчик и появится на свет, его жизнь угаснет до исхода третьего дня. Отныне лишь дочери будут нести бремя вашего обреченного рода.

Меня словно током ударило. Память мгновенно воскресила обрывки семейных историй.

Я вспомнила свою бабушку, маму моей мамы. У неё был муж — мой дед, — и они прожили долгую жизнь. У неё родился сын, который и по сей день жив и здоров.

Мой отец жив, они с мамой счастливы. И у меня есть брат Даниэль! Он тоже жив и совершенно здоров.

Значит, проклятие действительно бьет только через поколение! Мама и бабушка были «чистыми», лишёнными магии, оттого у них рождались мальчики, а их мужья не умирали так рано.

А вот прабабушка... Та самая Авелин.

В голове зазвучал давний рассказ бабушки: «Твоя прабабушка была такой несчастной, Авелин. Она овдовела совсем молодой, когда мне едва исполнилось два года. Мой отец сгорел от лихорадки...»

Всё сходилось. Прабабушка была ведьмой. Она потеряла мужа через три года брака. И у неё родилась только одна дочь — моя бабушка.

Значит, теперь очередь дошла до меня. Я — следующая. — Боже мой... — прошептала я, закрывая рот рукой.

Балдрик понимающе кивнул, глядя на меня с тяжелым со-

чувствием.

Я не выдержала. Нервы были натянуты как струна.

— И что теперь будет? — выпалила я, чувствуя, как срыгается голос. — Как снять это проклятие? Ведь... если не разрушить его, то я тоже обречена! Я не хочу нести такую боль. Я не хочу хоронить любимых!

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь, и продолжила, глядя то на колдуна, то на Джоан:

— Уму непостижимо, что до моего времени ни одна из женщин нашего рода не догадалась об этом. Ни одна из ведьм не поняла, что над ними висит проклятие. Но я не поступлю так, как они. Я не смирюсь. Теперь, зная, что мой род проклят, я просто не имею права связывать свою судьбу с кем бы то ни было, пока не исправлю это.

В разговор с явной тревогой вмешалась Джоан:

— У тебя есть возлюбленный? Там, в твоём веке?

Я лишь отрицательно мотнула головой и коротко ответила:

— Нет.

Джоан облегченно выдохнула, но Балдрик, глухо кашлянув, тяжело поднялся со своего места. В глубокой задумчивости он медленно прошелся по комнате, мерно постукивая тростью по деревянным половицам. Затем остановился, обернулся ко мне и признался прямо:

— Пока я не знаю, как рассеять эти чары. На это мне потребуется время. Придется обратиться к древним фолиантам

и воззвать за ответами к духам.

Он выдержал паузу и добавил:

— Существует, разумеется, один путь — самый верный. Тот, кто наложил проклятие, должен сам отречься от своих слов. Даровать прощение.

Я горько усмехнулась.

— Но, — сурово продолжил колдун, — судя по тому, что поведала Джоан, лорд Дарси скорее расстанется с жизнью, нежели пощадит «ведьму». К тому же мы не вправе выдавать тайну истинной Авелин. Стоит нам явиться к нему за прощением, как он лишь убедится в своей правоте, и тогда ко-стра нам не избежать. А значит, этот путь для нас закрыт.

Балдрик вернулся к столу и посмотрел на меня долгим, пронизательным взглядом:

— Нам предстоит найти иной выход. И я предвижу, что путь этот будет полон опасностей. Однако есть у меня на сегодня для тебя и хорошие вести.

Я вопросительно подняла брови.

— У меня есть догадки, как нам отыскать Камни Душ, — задумчиво произнес он. — И я знаю, что нам для этого потребуется. Но не сегодня. Возвращайся завтра, и я расскажу, что именно нужно подготовить для этих поисков.

Я почувствовала, как внутри загорается искорка надежды. Хоть известие о проклятии легло на сердце тяжким грузом, слова Балдрика о кристаллах немного развеяли мрак. Если я найду их... возможно, я смогу исправить всё. И судьбу Аве-

лин, и свою собственную, и спасти подруг.

Старик выразительно откашлялся, давая понять, что аудиенция окончена.

— Ступайте, — коротко бросил он. — Но завтра будь здесь рано, Авелин. С первыми лучами.

Я растерянно посмотрела на него, потом перевела взгляд на Джоан. Во мне боролись облегчение от того, что тяжелый разговор окончен, и разочарование. Я ожидала... ну, не знаю, уроков? Заклинаний? Взмахов палочкой?

— А вы не будете меня ничему учить сегодня? — спросила я с ноткой возмущения и обиды в голосе. — Это всё?

Балдрик опустил голову, пряча лицо, но я отчетливо услышала его глухое хмыканье — он явно прятал усмешку, забавляясь моей нетерпеливостью. Затем он поднял на меня глаза, в которых плясали веселые искорки:

— На сегодня с тебя хватит потрясений. Мне нужно время, чтобы изучить природу твоего проклятия и свериться со звездами.

Он сделал паузу и указал узловатым пальцем на дубовый стол, где лежал огромный фолиант:

— Но терять время не следует. Возьми эту книгу с собой. И приступай к изучению с первой же страницы.

Я подошла к столу и с усилием подняла том. Он был невероятно тяжелым, словно высеченным из камня, а не сшитым из пергамента. Кожаный переплет хранил тепло чужих рук.

Я наугад приоткрыла книгу. Страницы были испещрены

странными, витиеватыми символами — точно такими же, какие я видела в гримуаре из сундука в XXI веке. Но сейчас, как и тогда, они казались мне просто красивым, но бессмысленным узором.

— Но здесь же ничего не понятно! — воскликнула я, поднимая на колдуна растерянный взгляд. — Эти символы... я не умею их читать. Как я пойму смысл?

Балдрик усмехнулся:

— А разве в своем мире ты постигала суть одними лишь глазами? Нет. Ты ведьма, Авелин. Древняя магия течет в твоих жилах.

Он легко коснулся пальцем лба:

— Истинная сила кроется в вере и намерении. Не пытайся понять умом, читай сердцем. Откройся каждому знаку, и они сами заговорят с тобой. Ступай. А завтра на рассвете я испытаю твои знания.

Спорить было бесполезно. Старик знал, о чем говорит. Я поудобнее перехватила увесистый том, кивнула ему на прощание и, поблагодарив за помощь, вышла вслед за Джоан под морозящий дождь.

Всю обратную дорогу в повозке мы молчали. Джоан задумчиво смотрела на проплывающий мимо серый лес, а я сидела, крепко прижимая к груди фолиант. Мне не терпелось поскорее остаться одной, открыть его и узнать, какие тайны скрыты под этой тяжелой кожаной обложкой.

Когда мы наконец добрались до усадьбы, Джоан поверну-

лась ко мне:

— Я вижу, Авелин, в тебе горит жажда знаний. Ступай же в свои покои. Об ужине не тревожься — я велю Марте подать еду прямо тебе в спальню.

Я была искренне благодарна ей за это понимание.

— Спасибо, Джоан, — ответила я с теплой улыбкой. — Это было бы очень кстати. Я хочу начать как можно скорее... Чтобы вернуть всё на свои места и исправить то, что сломано.

Джоан ничего не ответила, лишь печально улыбнулась и быстрыми шагами направилась в детскую, к Кларе.

Я же, подхватив книгу, поднялась к себе. Первым делом я опустила тяжелый фолиант на кровать и принялась расшнуровывать влажное от дождя платье. Но всё было безуспешно — мне вновь отчаянно требовалась помощь с этой чертовской шнуровкой.

И в эту секунду, к моему счастью, в дверь постучали. Это была Марта. В руках она держала медный кувшин и глубокую чашу для умывания.

— Не желаете ли освежиться с дороги, госпожа? — спросила она, почтительно поклонившись.

Я вопросительно взглянула на неё — вечно забывая, что здесь нет водопровода.

— Да, Марта, спасибо, — кивнула я, подходя к ней. — И заодно помоги мне с платьем.

Служанка ловко освободила меня от тяжелой влажной

ткани, а затем полила мне на руки теплую воду из кувшина, пока я смывала дорожную грязь. Освежившись, я вытерла лицо и руки грубым льняным полотенцем.

— Прикажете подавать ужин сейчас? — спросила Марта.

— Нет. Я поем чуть позже. Я сама дам знать, когда проголодаюсь, — ответила я, мягко выпроваживая её.

Она покорно кивнула и вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Переодевшись в уютное, более легкое домашнее платье, я забралась на кровать. Положив перед собой огромный том, я с трепетом откинула тяжелую обложку.

Страницы были испещрены странными фигурами, символами и иероглифами. Настоящий хаос из чернил.

Я сосредоточилась, стараясь взять себя в руки, и пристально уставилась в текст. Но в голове всё путалось, символы плясали перед глазами, смысл ускользал. В горле внезапно пересохло от волнения.

Я встала, налила воды из кувшина на прикроватном столике и жадно выпила, чувствуя, как прохладная влага немного снимает напряжение.

«Может, стоило сначала поесть? — промелькнула мысль. — Я ведь даже не обедала. Нет, я не голодна. Сначала дело». Я вновь села за книгу.

«Я — ведьма. Это моя кровь. Я должна понять», — твердила я себе как мантру.

И вдруг... строчки дрогнули. Одна за другой они нача-

ли проясняться. Бессмысленные крючки превращались в понятные слова, словно невидимый переводчик шептал их смысл прямо мне в разум.

Я жадно начала читать.

Первые страницы были посвящены основам: свойства трав, простые настои, природа магических потоков. Дальше шли уроки приготовления зелий — подробные рецепты, описания действий и, что самое важное, побочные эффекты.

«Всё, что нужно для настоящего колдовства», — подумала я с восхищением.

Искушение пролистать сразу до мощных заклинаний было велико, но я одернула себя. Балдрика не обманешь. Если он спросит меня про основы, а я буду знать только верхушки, он сразу поймет, что я схитрила. Мне предстояло изучать всё по порядку, страница за страницей, шаг за шагом.

Я углубилась в чтение. Текст был невероятно плотным, без привычных абзацев и отступов. Как человеку, которому не раз приходилось возиться с версткой пухлых рукописей и подгонять поля для печати, мне сразу стал ясен масштаб: одна страница этого убористого древнего гримуара легко вместила бы в себя три, а то и четыре страницы стандартного печатного текста.

Я очнулась только тогда, когда поняла, что буквы расплываются во мраке. В комнате сгустились сумерки. Я встала и зажгла несколько свечей, расставив их вокруг кровати.

Работа продолжилась. Я выучила пару несложных заклинаний.

наний, но вот рецепты зелий давались с трудом — столько ингредиентов, столько нюансов! Запомнить всё казалось невозможным.

Вскоре я почувствовала, что глаза слипаются, а под веками словно песка насыпали.

— Хватит на сегодня, — прошептала я.

Я с трудом закрыла тяжелый фолиант и убрала его в платяной шкаф, подальше от чужих глаз.

Подойдя к зеркалу, я устало взглянула на свое отражение.

И в то же мгновение отражение изменилось. Оттуда на меня смотрела не я — на меня смотрела истинная Авелин.

В её взгляде таилась светлая грусть, смягченная теплой, понимающей улыбкой.

— Тяжело ли это испытание? — прозвучал её тихий, мелодичный голос. — Утешься. Эта ноша гнетет лишь поначалу. В свое время я с таким же трудом делала первые шаги на этом пути. Но если помыслы твои чисты, а дух непреклонен — перед тобой не устоит ни одна преграда. Я вижу твою душу, я разделяю твою скорбь... Отныне мы пройдем сквозь это рука об руку.

Я молча смотрела на неё, а затем слабо улыбнулась:

— Спасибо. Ты очень сильная, Авелин. Я это чувствую. Воцарилась недолгая тишина.

— Слушай... — начала я осторожно. — Мне очень жаль Эдмунда. Жаль, что всё так сложилось. Ты ведь слышала наш разговор про...

— Проклятие? — подхватила она, и голос её дрогнул, надломившись от горя. — Слышала. И сердце мое разрывается от боли. По моей вине наш род обречен на страдания. Из-за меня он познал столько горя... И теперь ты. Выходит, прав был лорд Дарси. Я погубила Эдмунда. Любовь моя стала ему погибелью.

— Нет! — горячо перебила я. — Нет, Авелин, что ты такое говоришь!

Я подошла к зеркалу вплотную.

— Дарси не понимал, что творит! В нем говорила слепая ярость. Да, он потерял близкого, но это не дает ему права обвинять тебя. Такой была судьба Эдмунда, и никто, слышишь, никто не хотел этого!

Авелин слушала, опустив глаза.

— Поверь мне, — продолжила я мягче. — Эдмунду там, на небесах, сейчас очень больно видеть, как ты истязашь себя. Он любил тебя. И он уж точно не хотел бы, чтобы ты винила себя в его смерти. Ты не убийца, Авелин. Ты жертва обстоятельств. И мы обязательно всё исправим.

Наш разговор с отражением прервал робкий стук в дверь. Я отпрянула от зеркала.

— Войдите.

Дверь отворилась, и на пороге появилась Джоан. На руках она бережно держала маленькую Клару.

— Ты не проголодалась, Авелин? — с мягкой заботой произнесла она. — Голод — скверный помощник в делах.

Тебе необходимо подкрепить силы, чтоб разум был острее.

Я молча подошла к двери. Взгляд мой упал на Клару.

Заметив меня, малышка вдруг оживилась. Она издала радостный, гукающий звук, и её глазки наполнились таким чистым детским счастьем, что у меня защемило сердце. Невольно она потянула ко мне свои крошечные ручки, требуя внимания.

Я не удержалась. Расплывшись в улыбке, я осторожно взяла её на руки, прижимая к себе теплый сверток.

Джоан смотрела на нас со странной смесью чувств: в её взгляде читалась глубокая печаль, но губы тронула светлая улыбка.

— Хорошо, Джоан, — тихо сказала я, покачивая малышку. — Если у вас есть хозяйственные заботы, идите. Я останусь с ней. Пусть Марта поднимет ужин, а до тех пор я побуду с Кларой.

Джоан благодарно кивнула:

— Я уже покормила её. Но моей внучке необходимо побыть рядом с матерью. Душа её тянется к тебе. Хорошо, я пойду к Марте и отдам распоряжения.

Джоан вышла, тихо прикрыв дверь и оставив нас наедине.

Клара была изумительным ребенком — спокойным, умиротворенным. Она смотрела на меня своими умными глазками, крепко хватала меня за палец и что-то лепетала на своем младенческом языке. Я провела с ней время до самого ужина, чувствуя, как постепенно уходит напряжение этого тяже-

лого дня. Когда Джоан вернулась, чтобы уложить малытку в колыбель, Клара уже мирно посапывала у меня на руках.

Полужинав, я больше не была способна ни на что. Сил на чтение не осталось. Я просто рухнула в постель и мгновенно уснула, зная, что завтра начнется моя настоящая колдовская учеба.

Так потекли дни.

Каждое утро я вставала с первыми лучами солнца, наскоро завтракала и спешила в лесную хижину. Я жила от встречи до встречи с колдуном, желая лишь одного — поскорее положить конец этому кошмару.

Балдрик учил меня всему: как чувствовать потоки энергии, как различать шепот трав, как варить зелья, от которых исходил то сладкий, то едкий пар. И, к моему собственному удивлению, я схватывала всё на лету.

Точнее, не совсем я.

Это помогала она — Авелин. Я постоянно ощущала её присутствие внутри. В моменты, когда я терялась или забывала нужную формулу, её память мягко подталкивала меня. Я чувствовала, как она управляет моим телом, как направляет движения рук при помешивании котла, как подсказывает верную интонацию для древних заклинаний. Мы стали одним целым — я была разумом, а она — древним инстинктом.

За эти дни мы на шаг приблизились к разгадке главной тайны. Балдрик поведал, что Камни Душ рассеяны по стра-

не, и собрать их воедино будет нелегко.

— Один камень покоится высоко в горах, где властвуют лишь ветра, — произнес он, устремив на меня тяжелый взгляд. — Другой таится в водах источника. Третий затерян среди реликвий, давно преданных забвению. А четвертый... четвертый хранится у кого-то как величайшая драгоценность, и расстаться с ним по доброй воле владелец не пожелает.

Точного их местоположения не знал ни он, ни я. Это были лишь туманные предсказания, загадки, которые мне еще предстояло разгадать. И для того чтобы выяснить, где именно их искать, магу требовался черный обсидиан. Камень для ритуала, который, по его словам, можно было приобрести у городских ювелиров.

Поначалу мне было некогда скучать. Все мысли, всё время занимала учеба, магия и страх разоблачения. Но когда новизна ушла и потянулась рутина, на меня навалилась тоска.

Я начала безумно скучать по своему времени. По своей уютной квартире, по электричеству и горячему душу. Я скучала по маме и папе, по Даниэлю с его вечными шутками. Скучала по своим подругам, которых я втянула в эту смертельную игру и которых поклялась спасти. Мне не хватало моих обыденных дней, шума машин за окном и даже моей учебы в университете, которая раньше казалась такой утомительной.

Здесь, в шестнадцатом веке, мир был слишком тихим,

слишком темным и слишком опасным.

Глава 6. Кузен

Дни сменялись неделями, и незаметно наступил октябрь. Приближался день возвращения отца Авелин — Уильяма.

Джоан не раз упоминала, что в этот раз он задержался дольше обычного. Но, наверное, это было и к лучшему: за время его отсутствия я успела освоиться в доме, привыкнуть к местному укладу и манере речи. Ведь о моей тайне знали только Джоан и старый колдун. Для всех остальных, включая Уильяма, я должна была оставаться прежней Авелин.

В один из пасмурных октябрьских вечеров во двор въехал Уильям в сопровождении тяжело груженной крытой повозки и двух всадников. Лица незнакомцев были надежно скрыты в тени глубоких капюшонов от дорожных плащей. Я лишь мельком скользнула по ним взглядом, ничуть не сомневаясь, что это обычные наемники или верные слуги, оберегавшие купца и его товары в долгой дороге.

Я стояла у окна и наблюдала, как суетятся под дождем люди, выгружая поклажу. Хозяин дома устало спешил, стряхивая холодные капли с плотного дорожного плаща. Едва завидев мужа, Джоан с радостным возгласом выбежала на крыльцо. Позабыв о манерах, она кинулась к нему в объятия, и он, рассмеявшись, крепко прижал её к себе, поцеловав в лоб.

Я почувствовала, как внутри меня встрепенулась душа

Авелин. Она рвалась туда, к ним. Я не стала сопротивляться этому порыву и поспешила вниз.

Спускаясь по лестнице, я лихорадочно прокручивала в голове слова приветствия. Как мне говорить с ним? Как не показаться странной?

Когда я подошла к парадной двери, Уильям уже вошел внутрь вместе с Джоан. Слуги вносили за ними тяжелые сундуки.

Увидев меня, Уильям просиял. Его лицо озарила широкая, искренняя улыбка, и он раскрыл объятия:

— Авелин!

Это был статный, властный мужчина, но в голосе его звучала неподдельная доброта. Темно-рыжие волосы, ухоженная борода, прямой благородный нос... Но главное — глаза.

Голубые, с холодным, почти стальным отливом. Точно такие же, как у меня. Как у истинной Авелин. В это мгновение я осознала, от кого именно наш род унаследовал эти черты. Мы были его живым отражением.

Я невольно подалась вперед. Это было удивительное чувство: я действовала сама, но физически ощущала, как внутри разливается чужая, безграничная нежность. Истинная Авелин боготворила своего отца.

Я бросилась к нему, и он крепко, по-отцовски стиснул меня в объятиях.

— Дитя мое... — выдохнул он. — Как же тосковало мое сердце!

— С благополучным возвращением, отец, — прошептала я, уткнувшись лицом в его тяжелый плащ, пахнувший дождем и сырой кожей. — Я тоже скучала.

Он бережно поцеловал меня в макушку, чуть отстранился и, заглянув в глаза, спросил с трепетной нежностью:

— А как наша маленькая Клара? В добром ли здравии малышка?

Джоан, сияя от счастья, с улыбкой ответила за меня:

— Наша крошка мирно спит. Но, клянусь, стоит ей проснуться и увидеть тебя, её радости не будет предела. Если, разумеется, она не позабыла родного деда за время твоих долгих странствий!

Мы весело рассмеялись. Уильям сжал мои плечи тяжелыми ладонями и с лукавством во взгляде произнес:

— Я привез вам дары, мои дорогие. Тончайший шелк и фламандский бархат. Надеюсь, они порадуют ваш взор.

Я радостно ахнула, прижав ладони к груди. Не знаю почему, но я была искренне счастлива: где-то в глубине души я всегда обожала сюрпризы, и эта детская восторженность всё ещё живо откликалась во мне, несмотря на все пережитые тревоги.

Но тут нашу радость прервали.

Вслед за слугами в открытые двери вошел высокий молодой человек лет двадцати пяти. Темные кудрявые волосы, слегка растрепанные ветром, правильные, чуть хищные черты лица и удивительные глаза — светло-карие, почти янтар-

ные. На его губах играла завораживающая, уверенная улыбка, а взгляд был невероятно цепким.

Я замерла.

Джоан, увидев гостя, изумленно воскликнула и просияла еще ярче:

— О, Кристофер! И ты здесь? Какая радость! Ты тоже прибыл с Уильямом?

Внутри у меня всё тревожно сжалось.

«Кристофер? Кто он такой?»

Джоан не успела рассказать мне обо всех близких. Лишь о слугах, соседях и о тех людях вроде Томаса Дарси, которых мне следовало избегать. Она часами перечисляла имена, чтобы я не выдала себя неосторожным словом. Но имя «Кристофер» прозвучало впервые. Почему она о нем умолчала?

Молодой человек тепло, совсем как родную мать, обнял Джоан. Затем он повернулся ко мне. Его янтарные глаза встретились с моими, и в них мелькнуло что-то непонятное — то ли жгучий интерес, то ли давняя, затаенная обида.

Он подошел ближе и, слегка раскинув руки для приветствия, с легкой усмешкой произнес:

— Здравствуй, Авелин. Кажется, ты не слишком рада меня видеть?

Я оцепенела.

Меня поразили не столько сам вопрос, сколько то, как он прозвучал. Его речь... Она разительно отличалась. Манера

говорить у Уильяма и Джоан была размеренной, наполненной старинными оборотами, слегка певучей. У Кристофера же произношение оказалось чистым, четким, отрывистым. Почти таким же современным, как у меня. Без лишних витиеватостей.

На мгновение я растерялась. Это был невероятно опасный момент. Я не знала, кем он ей приходился и как они общались с истинной Авелин в прошлом. Но благоразумие взяло верх над паникой. Я тоже шагнула навстречу и, стараясь держаться естественно, ответила:

— Здравствуй, Кристофер. Отчего же? Я очень рада тебя видеть.

Отстранившись, он взял мою руку, на мгновение задержал её в своей ладони и сжал чуть сильнее, чем того требовали приличия. В этом жесте не было угрозы — скорее скрытый вопрос или намек на давнюю тайную связь, о которой я не имела ни малейшего понятия.

Я замерла, не зная, как реагировать далее. Джоан, внимательно наблюдавшая за нами, мгновенно уловила мою растерянность. Она тут же подошла и мягко, но настойчиво взяла меня под руку:

— Идем, Авелин, нужно велеть накрыть на стол. Они устали с дороги и, должно быть, очень голодны.

Я выдавила вежливую улыбку отцу и гостю, высвободила руку из ладони Кристофера и покорно пошла вслед за Джоан.

Едва мы завернули за угол, в темный коридор, ведущий к кухне, я с облегчением выдохнула.

— Джоан, кто это? — требовательным шепотом спросила я.

Она резко остановилась и прижала палец к губам:

— Тише, Авелин!

— Ты застала меня совершенно врасплох. Кто такой этот Кристофер?

Джоан виновато прижала ладони к груди:

— Прости, дитя, я совершенно упустила его из виду. Мне следовало предупредить тебя, но я и помыслить не могла, что он явится вот так, не прислав ни единого письма. Он давно не навещал нас. В последний раз приезжал на похороны Эдмунда — пробыл лишь несколько часов и уехал. С тех пор мы его не видели.

Она придвинулась вплотную и торопливо зашептала, стараясь успеть рассказать мне всё самое важное за считанные мгновения:

— Это Кристофер Эшфорд — сын Джорджа, кузена Уильяма. Они с отцом ведут дела сообща.

— Значит, он троюродный брат Авелин?

— Да. Вот уже лет шесть или семь, как отца Кристофера поразил тяжелый недуг. Он лишился возможности ходить. С тех пор Кристофер стал его глазами и руками. С юных лет он сопровождает Уильяма в торговых поездках, бывает в разных странах.

Она посмотрела на меня с особым значением:

— Авелин с Кристофером знакомы с колыбели. Выросли вместе. Ладили, признаться, не всегда — постоянно препирались и спорили. Но при этом всегда держались друг за друга, были неразлучны. Однако перед его отъездом в Лондон, незадолго до смерти Эдмунда, между ними произошла какая-то размолвка. Должно быть, именно поэтому он и не задержался на его похоронах. Я пыталась расспросить Авелин, но она наотрез отказалась об этом говорить.

— Выходит, они были кем-то вроде заклятых друзей? — горько усмехнулась я.

— Именно так, — кивнула Джоан. — Так что води себя с ним свободно. Они всегда подшучивали друг над другом и обменивались колкостями.

Я быстро упорядочила мысли.

— Сколько ему лет?

— Двадцать четыре, он на два года старше Авелин.

— Семья? — коротко спросила я, чтобы быть во всеоружии. — На случай, если в разговоре он упомянет кого-то из близких?

— У него есть мать Сюзен, отец Джордж, и старший брат Кристиан. Это всё, что тебе пока нужно знать. Его старший брат в торговых делах не участвует, он человек... совсем иного склада.

Я кивнула. Всё ясно. Троюродный брат из Лондона, компаньон отца, друг детства, с которым можно и нужно дер-

зить. Это существенно упрощало задачу.

— Идем, не будем заставлять их ждать, — поторопила меня Джоан.

Мы поспешили на кухню. Марта уже всё приготовила: над кувшином поднимался пар от горячего пряного настоя, а в корзине дожидалась свежая выпечка и сладости. Джоан велела служанке накрывать на стол, сама подхватила один из подносов, и мы направились обратно к мужчинам.

Уильям уже успел сменить тяжелый дорожный плащ на удобный домашний дублет. Мужчины сидели в глубоких креслах у самого очага, протягивая озябшие руки к огню.

Едва мы переступили порог, Кристофер, заметив тяжелую ношу в руках Джоан, тотчас поднялся с места и галантно перехватил поднос.

Джоан благодарно улыбнулась, оглядывая его с головы до ног:

— Благодарю тебя, Кристофер. Ты стал еще выше, стал шире в плечах. Я ведь не видела тебя почти два года. Как же ты возмужал!

Он поставил поднос на стол и, бросив на меня лукавый косой взгляд, насмешливо отозвался:

— Да, тетушка, изменился. В отличие от Авелин. Она всё та же: хмурая и вечно недовольная. Смотрит так, словно укуса выпила.

Джоан, пряча улыбку, укоризненно покачала головой и отошла к мужу, чтобы взбить подушку за его спиной.

Как только она отвернулась, Кристофер скорчил гримасу, передразнивая мою деланную строгость — сущий мальчишка!

Совершенно забыв о манерах благонаправной вдовы, я вздернула подбородок и одарила его самым ледяным, надменным взглядом, на который только была способна, всем своим видом демонстрируя, что его колкости меня ничуть не задевают.

В ответ он широко и искренне рассмеялся — моя реакция его явно порадовала.

Отвернувшись, я подошла к столу, чтобы помочь с угощением: стала неспешно перекладывать свежую выпечку из корзины на серебряные блюда. Кристофер подошел совсем близко, чтобы разлить исходящий паром пряный настой из кувшина по тяжелым кубкам.

Наполняя их, он то и дело бросал на меня короткие, изучающие взгляды. Я кожей чувствовала это пристальное внимание, но упрямо не поднимала глаз, делая вид, что полностью поглощена своим занятием.

Наконец, вновь опустив взгляд к кубкам и всё с тем же невозмутимым видом склонившись над подносом, он произнес тихим, глубоким голосом, предназначенным лишь для моих ушей:

— Я рад, что при старших ты не стала выказывать былую обиду. Но меня удручает твое хладнокровие. В твоих глазах я вижу лишь лед. Впрочем... обещаю, отныне я это исправлю.

С этими словами он уверенно подхватил поднос с горячими кубками и, словно ничего не произошло, направился к очагу, чтобы преподнести напитки Уильяму и Джоан.

Я замерла и медленно обернулась, глядя ему вслед. Его слова эхом отдавались в голове. Я не понимала их истинного смысла, но теперь мне стало кристально ясно одно: в прошлом между истинной Авелин и Кристофером действительно произошла какая-то серьезная размолвка, о которой он прекрасно помнил.

подавив смятение, я вернула на лицо безмятежную улыбку, взяла блюдо со сладостями и присоединилась к остальным.

Вскоре у очага потекла неспешная, теплая беседа. Уильям, грея озябшие руки о тяжелый кубок, начал рассказывать о своем долгом путешествии: где он бывал, с какими купцами вел торг, какие редкости видел. Кристофер изредка вставлял меткие замечания, шутил, и его легкий, чистый лондонский говор странным образом гармонировал с басыстым, размеренным голосом отца.

В какой-то момент проснулась Клара. Марта принесла её вниз, и малышка, увидев деда, сразу потянулась к нему на руки, добавив вечеру еще больше тепла.

Я чувствовала небывалую легкость и радость. С приездом Уильяма и этого несносного Кристофера мрачный особняк словно ожил. Впервые за всё это время, наполненное первобытным страхом и зубрежкой заклинаний, мне не было оди-

ноко. Мне было... уютно. По-настоящему, по-семейному.

Вскоре Уильям тяжело поднялся с места. Было очевидно, что долгая дорога отняла у него последние силы.

— Вы уж простите меня, мои дорогие, — с тяжелым вздохом произнес он, потирая ноющую спину, — но мне пора на покой. Сон одолевает, сил больше нет.

Джоан тут же поднялась следом, бережно взяла его под руку, с тревогой заглядывая в лицо:

— Конечно, мой милый, конечно. Но прежде чем лечь, тебе стоит омыться горячей водой, чтобы смыть дорожную усталость. Марта уже всё приготовила.

У самых дверей она обернулась к нам и добавила:

— Авелин, когда Кристофер тоже решит отойти ко сну, вели Марте убрать со стола. А пока... посидите, побеседуйте, если есть желание. Доброй ночи.

Что-то ласково приговаривая мужу, она увела его из залы, и вскоре их шаги стихли на деревянной лестнице.

Мы с Кристофером остались наедине. Клара к тому времени уже снова крепко спала в своей колыбели наверху, и после ухода старших в комнате повисла густая, напряженная тишина, нарушаемая лишь мерным потрескиванием дров.

Я не решалась нарушить молчание, совершенно не представляя, о чем говорить с человеком, который считался моим другом детства, а на деле был для меня почти незнакомцем.

Вскоре эту тишину прервал сам Кристофер.

— Авелин...

Его голос, еще недавно столь уверенный и насмешливый, теперь звучал глухо. В нем не осталось и следа той колкости, с которой он дразнил меня за ужином — теперь в его словах сквозило лишь искреннее сожаление.

Он не смотрел на меня — его взгляд был прикован к пляшущим языкам пламени в очаге.

— Я... не стал заговаривать об этом сразу по приезде, не желая омрачать радость встречи, — тихо начал он. — Но я должен сказать это, пусть и с запозданием. Мне бесконечно жаль Эдмунда.

При звуке имени погибшего мужа я невольно сжалась. Внутри больно кольнуло — отозвалась скорбь истинной Авелин.

Кристофер продолжил, всё так же не отрывая взгляда от огня:

— Он был достойным человеком и искренне любил тебя. Прости, что меня не было рядом в те черные дни. Состояние отца тогда резко ухудшилось, и я не мог надолго оставить его и мать. Все заботы легли на мои плечи, пришлось в одиночку управлять и поместьем, и делами. Ты ведь знаешь Кристиана. От него помощи ждать не приходилось. Быть может, ты решила, что я поспешно уехал и не вернулся из-за той нашей размолвки... Признаюсь, какое-то время я действительно таил обиду, но гнев быстро угас. И всё же приехать я так и не смог. Эта вина до сих пор тяжким грузом лежит на моей душе. Если сможешь... прости меня.

Его неожиданная откровенность застала меня врасплох. Я растерялась, не зная, что ответить и как вообще реагировать на эту исповедь. Но, видя его неподдельное раскаяние, я понимала: нет смысла ворошить прошлое и таить былую обиду. Впрочем, я твердо дала себе слово: при первой же возможности нужно будет расспросить об этой ссоре саму Авелин.

Я сделала глубокий вдох и, не поднимаясь с кресла, слегка подалась вперед.

— Взгляни на меня, Кристофер.

Я дождалась, пока он оторвет тяжелый взгляд от пляшущего огня и повернет ко мне лицо. В неровном свете пламени его черты казались резче, а в глазах читалась искренняя, затаенная боль.

— Оставь эту вину в прошлом, — тихо, но твердо произнесла я. — Ни я, ни Эдмунд не хотели бы, чтобы ты нес этот тяжелый груз. Твой долг был перед отцом, и это главное. А наши ссоры... смерть учит нас тому, как мимолетны и ничтожны все былые обиды. Я давно простила тебя. И я рада, что ты вернулся.

Губ Кристофера коснулась грустная, нежная улыбка. В какой-то миг мне показалось, что в его янтарных глазах блеснули слезы, но он совладал с собой. Чуть подавшись навстречу, он произнес:

— Ты действительно простила меня, Ави? За то, что меня не было рядом? За то, что я оставил тебя совсем одну в час такой скорби? Ты не представляешь, как я мучился всё это

время. До самого приезда сюда я без конца терзался мыслями о том, как посмотрю в глаза тебе, тетушке Джоан и Уильяму. Даже когда мы с твоим отцом договорились о совместном путешествии, и он спросил, не хочу ли я навестить вас, я долго колебался. Всё думал, как ты встретишь меня... как примешь спустя столько времени.

— Тебе больше не нужно терзаться сомнениями, Кристофер, — мой голос прозвучал ровно и мягко, рассеивая повисшее в комнате напряжение. — Я говорю тебе это совершенно искренне: всё прощено и забыто. И ты прости, если я задела тебя тогда своими словами.

Кристофер с облегчением шумно выдохнул и, тепло улыбнувшись, произнес:

— Благодарю тебя, Авелин. И я не держу на тебя зла.

Затем, немного помедлив, он добавил:

— Тебе, должно быть, нелегко пришлось? Одной, с младенцем на руках... Клара — чудесное дитя. И не обращай внимания на мои глупые шутки за ужином, малышка — твоё живое отражение.

Я грустно, едва заметно усмехнулась.

— Да... Она — моё утешение.

Кристофер помолчал, внимательно вглядываясь в моё лицо, а затем произнес то, чего я так опасалась:

— Знаешь, ты изменилась, Авелин. Те живые огоньки, что прежде плясали в твоих глазах, ныне угасли.

На мгновение я затаила дыхание.

Конечно, выражение моего лица, неуловимые жесты и мимика — всё это принадлежало мне, девушке иного времени, а не той дерзкой леди из шестнадцатого столетия. Но я знала: лучшим щитом сейчас послужит горе.

Я зябко повела плечами, плотнее кутаясь в шаль:

— Жизнь меняет нас, Кристофер. Каждый день, каждая утрата оставляет свой след. Я больше не та беззаботная девушка, с которой ты ссорился в детстве. Ныне на моих плечах лежат заботы молодой вдовы.

Повисло неловкое молчание. Кристоферу явно стало не по себе — казалось, он устыдился того, что неосторожным словом потревожил мои раны.

Он резко поднялся с кресла:

— Что ж. Прости меня. Напрасно я завел этот разговор в столь поздний час. — Он устало провел рукой по волосам. — Мне пора. Тебе надлежит отдохнуть.

Я тоже встала, чтобы проводить его:

— Всё в порядке. Я стараюсь жить ради Клары. И мне стало легче оттого, что родные теперь рядом.

Кристофер шагнул ко мне. Положив свои большие, теплые ладони мне на плечи, он слегка, ободряюще сжал их. Заглянув прямо в глаза, он с мягкой, почти кроткой улыбкой произнес:

— Я искренне рад этому. Помни: ты не одна. Мы все с тобой.

Я кивнула в ответ, чувствуя благодарность за эти простые,

но такие важные слова.

Отстранившись, он сделал шаг назад:

— Добрых снов, Авелин.

— Спокойной ночи, Кристофер.

Он развернулся и быстрым шагом покинул гостиную, растворившись в тенях коридора.

Я осталась совершенно одна посреди просторной комнаты. Осмотрелась. На столе всё еще громоздились кубки и остатки выпечки. По правилам мне следовало лишь отдать распоряжение и оставить всё как есть, чтобы прислуга убрала стол. Но привычка — вторая натура.

Я решительно собрала посуду на тяжелый деревянный поднос и понесла его на кухню.

Там, при свете огарка свечи, дремала Марта, преданно ожидая, пока все господа отойдут ко сну. Увидев меня с подносом, уставленным посудой, она вскочила, едва не опрокинув табурет, и в ужасе распахнула глаза:

— Госпожа! Что вы делаете?! — воскликнула она, бросаясь ко мне. — Зачем же вы сами? Вы бы только позвали, я бы мигом всё убрала!

Я улыбнулась её искреннему испугу:

— Ничего страшного, Марта, мне совсем не трудно. Тебе ведь всё равно придется это мыть, так я решила избавить тебя от лишней беготни.

Служанка смотрела на меня со смесью изумления и робости, словно я вдруг сделала что-то немыслимое, но всё же с

благоговением перехватила поднос.

— Да благословит вас Господь, госпожа, — прошептала она.

Затем, развернувшись, я направилась в свою спальню и быстро погрузилась в сон.

Прошла неделя.

Мне нужно было во что бы то ни стало вновь попасть к Балдрику — перерыв в занятиях непростительно затянулся. С приездом Уильяма и Кристофера мой привычный уклад рухнул. Я больше не могла просто исчезнуть в лесу на полдня.

Мы с Джоан долго и мучительно размышляли над тем, как мне тайно отлучаться к наставнику, пока мужчины находятся в поместье. И тут меня озарило. Я повернулась к Джоан и задала не дававший мне покоя вопрос:

— Джоан, а как же истинная Авелин? Как ей удавалось ходить к Балдрику в прошлом так, чтобы отец ни о чем не догадался?

Джоан грустно улыбнулась:

— Уильям ничего не подозревал. В то время мы легко убедили его, что Авелин увлеклась свойствами целебных трав и постигает искусство врачевания. Дар пробудился в ней, когда она уже была обручена. Но из нашего дома она тайно ходила к Балдрику всего лишь год. Я тогда сама разыскала его, чтобы он стал её наставником и научил управлять этой си-

лой.

Она тихо вздохнула, предаваясь воспоминаниям:

— Авелин не желала хранить тайны от будущего мужа. Она во всем призналась Эдмунду еще до венчания. И он... он любил её без памяти. Он видел её истинную суть, а не суеверия и предрассудки невежественного дяди, и принял её такой, какая она есть.

Джоан понизила голос, её лицо стало серьезным:

— После свадьбы они поселились в собственном доме, став полноправными хозяевами своей судьбы. Оттуда совершать поездки к Балдрику было куда проще и безопаснее — ведь Эдмунд всё знал и оберегал её. Никто не смел за ней следить. Но когда Эдмунда не стало, и она вернулась под наш кров... Именно тогда Дарси начал свою безжалостную охоту. Страх полностью завладел ею. Она прекратила визиты к наставнику и забросила обучение, лишь бы не навлечь беду на Клару и на всех нас. Вот почему Уильям по сей день пребывает в неведении.

Я кивнула с глубоким пониманием: теперь трагическая судьба Авелин предстала передо мной во всей ясности. Не теряя ни минуты, мы отправились к Уильяму, чтобы изложить ему наш план.

Наш план сработал безупречно. Когда мы с Джоан осторожно сообщили Уильяму, что я намерена вновь навещать старого травника и продолжить изучение свойств целебных растений, он не просто поддержал эту затею — он искренне

обрадовался.

Его лицо просияло. Уильям был несказанно счастлив видеть, что его дочь постепенно оправляется после смерти Эдмунда и возвращается к своим прежним занятиям. Для него это стало знаком того, что она больше не будет целыми днями сидеть взаперти, предаваясь беспросветной скорби.

Однако вскоре возникла иная проблема. Кристофер.

Он решил задержаться в поместье надолго.

— Дела в Лондоне могут и подождать, — беспечно заявил он как-то за завтраком, намазывая масло на свежий ломоть хлеба. — Да и соскучился я по здешним краям. Хочу вдоволь надышаться сельским воздухом перед наступлением зимы.

Для меня это обернулось настоящим бедствием. Кристофер оставался обходительным и веселым, но его постоянное присутствие буквально не давало мне свободно вздохнуть. Он следовал за мной повсюду, словно тень. Мне было невыносимо тяжело с утра до ночи играть чужую роль перед человеком, который знал настоящую Авелин с малых лет и уже замечал во мне пугающие его перемены.

Уильям часто отлучался по делам: то ездил на ярмарку в соседний городок, то занимался поместьем — осматривал амбары и объезжал угодья. Кристофер же, напротив, почти всегда находился поблизости, не оставляя мне ни единого шанса на уединение.

В один из дней я собиралась навестить Балдрика — уже

во второй раз с момента приезда нашего гостя. Взяв небольшую корзинку, я для отвода глаз бросила на дно пучок сухой мяты и пару пустых склянок, после чего накинула на плечи плотный плащ.

— И куда же ты направляешься на этот раз? — внезапно раздался голос за спиной.

Я вздрогнула. Кристофер стоял у подножия лестницы, с нескрываемым любопытством наблюдая за моими сборами.

— К своему наставнику, — стараясь, чтобы голос звучал ровно, ответила я. — Ты же знаешь. Сегодня мне предстоит учиться смешивать лечебные мази.

Глаза Кристофера азартно блеснули:

— Чудесно! Я как раз изнываю от безделья. Пожалуй, составлю тебе компанию.

Внутри у меня всё оборвалось.

— В этом нет никакой нужды, — слишком поспешно выпалила я.

— Как это «никакой»? — он шагнул навстречу, сверкнув своей обезоруживающей, лукавой улыбкой. — Прогуляюсь. Заодно взгляну на твоего лекаря. Мне весьма любопытно, кто обучает тебя подобным премудростям. Да и не пристало благородной леди бродить по лесным тропам в одиночестве — мало ли какие бродяги промышляют в округе.

Это означало бы неминуемый провал. Если он увидит Балдрика — мрачного, нелюдимого отшельника, чья хижина снизу доверху увешана странными амулетами и пучками

колдовских трав, — Кристофер вмиг догадается, что перед ним никакой не лекарь.

Я лихорадочно искала отговорку, но тут на лестнице показалась Джоан. Одного взгляда ей хватило, чтобы оценить мое отчаянное положение.

— О, Кристофер! Ты-то мне и нужен! — воскликнула она, уверенно беря племянника под руку.

— Тетя? — искренне удивился он.

— Пусть Авелин идет, ей эти знания во благо, — безапелляционно заявила Джоан. — А мне сейчас как раз требуются крепкие мужские руки. В погребе нужно сдвинуть тяжелый бочонок с солониной, да и полка в кладовой совсем провисла. Уильяма нет, так что вся надежда лишь на тебя, мой мальчик.

Кристофер растерянно перевел взгляд с меня на Джоан. Ему явно хотелось пойти следом за мной, но правила приличия не позволяли отказать даме в помощи.

— Что ж, воля ваша... — он картинно вздохнул и развел руками. — Погреб не терпит отлагательств, тетушка. Ступай, Авелин. Но в следующий раз от меня так легко не сбежать — я непременно тебя сопровожу.

Я с облегчением выдохнула, благодарно кивнула Джоан и поспешила выскользнуть за дверь, пока он не передумал.

Урок у Балдрика шел своим чередом.

В хижине густо пахло сыростью и тлеющими травами. Мы готовили настой для «ясности ума» — вязкое варево глубокого фиолетового цвета. Старик учил меня произносить нужные заговоры в тот самый миг, когда зелье начинало закипать.

— Весьма недурно... — пробормотал он, наблюдая за тем, как уверенно мои руки растирают корни в медной ступке. — Хватка верная. Твои руки чувствуют истинную природу вещей.

Разумеется, подобная похвала пришлась мне по душе. Но сейчас меня мучило совершенно иное.

Когда мы закончили, и я вытирала пальцы куском грубого полотна, мое терпение иссякло:

— Балдрик, мы снова варим зелья. Снова заучиваем травы. Но как же Камни?

Колдун нахмурился, его густые седые брови сурово сошлись на переносице.

— Я здесь уже целый месяц, — с отчаянием продолжила я. — Время ускользает! А мы не продвинулись ни на шаг. Где нам искать кристаллы? Когда мы наконец приступим к главному?

Балдрик с глухим стуком опустил деревянный черпак в котел.

— Снова ты за свое, нетерпеливая! — укоризненно произнес он. — Сколько раз мне повторять: истинное искусство

не терпит спешки. Ты полагаешь, Камни Душ — это спелая ежевика? Подошла к живой изгороди и нарвала полную корзину?

Он шагнул ко мне вплотную, устремив на меня выцветший, но по-прежнему пронзительный взгляд.

— Неужели ты полагаешь, что всё так просто? Отыскала тайник, забрала Камень и благополучно ушла? — голос старика стал тише, но зазвучал сурово и непреклонно. — Подобное предприятие требует истинного могущества и глубочайших познаний. Это не обычные драгоценности, в них заключена древняя магия. Они находятся в самых мрачных местах, надежно защищены чарами и охраняются силами, о которых ты пока не имеешь ни малейшего представления. Там, куда тебе предстоит отправиться, произойти может всё что угодно, и твоим единственным щитом станет твоё искусство. Вот почему ты должна сперва овладеть им в совершенстве. Лишь когда ты будешь по-настоящему готова, тогда и приступишь к поискам. А до тех пор нам требуется величайшая осторожность, а не твоё безрассудство.

Я опустила голову, до боли закусив губу. Он был прав, но от этого мне не становилось легче. Я чувствовала себя абсолютно беспомощной.

Домой я возвращалась в смешанных чувствах, но едва переступила порог, как меня ждала новость, тотчас развеявшая мрачные мысли.

— Скоро День Святого Луки! — торжественно объявила Джоан за ужином, расставляя перед нами оловянные миски с дымящимся мясным рагу. — Восемнадцатое октября уже на пороге.

Я на мгновение замерла с ложкой в руке, непонимающе взглянув на неё. В голове было совершенно пусто. Что еще за праздник?

Кристофер, заметив мою заминку, тут же поддел меня, подкладывая себе еще мяса:

— Ты что, забыла, Авелин? Конец урожая! Или ты совсем счет дням потеряла за своими склянками да травами?

И тут меня словно озарило.

«Ах, да!» — пронеслось в мыслях.

Я вспомнила разговор с Джоан пару дней назад. Мы тогда перебирали белье в кладовой, и она с горящими глазами рассказывала мне об этом дне. Говорила, что в городок съедутся торговцы со всей округи, привезут заморские шелка, ленты и сладости.

Тогда, в кладовой, я слушала её и чувствовала неподдельный детский восторг от того, что смогу увидеть всё это своими глазами. А сейчас, в суете тайных уроков у Балдрика, это просто вылетело у меня из головы.

Я быстро взяла себя в руки, стараясь скрыть оплошность: — Ну конечно, не забыла! Просто задумалась о своем. Разве такое забудешь?

Джоан довольно кивнула:

— Гулянье будет знатное. Простой люд после жатвы при деньгах. Мы непременно должны поехать.

Я с облегчением выдохнула. Кажется, обошлось.

Настоящая историческая ярмарка! Не в кино, не на фестивале реконструкторов, а здесь, в реальности. Я увижу жонглеров, лицедеев и посмотрю, как веселятся люди в настоящем шестнадцатом столетии.

На мгновение все страхи — древнее проклятие, лорд Дарси, потерянные кристаллы — отступили. Я ощутила себя героиней волшебной сказки. Меня будоражила сама мысль, что всё это происходит со мной наяву.

— Мы обязательно поедem! — вырвалось у меня с искренним восторгом. — Я с нетерпением жду этого!

Кристофер слегка улыбнулся, видя мое воодушевление:

— Вот это уже похоже на прежнюю Авелин. Глаза горят.

Глава 7. Обсидиан

Наступило восемнадцатое октября — День Святого Луки.

С самого рассвета дом гудел, словно растревоженный улей. Предвкушение праздника витало в воздухе. Домочадцы сновали из угла в угол, торопясь закончить утренние хлопоты. Джоан вместе с Сарой священнодействовали на кухне, отчего весь дом наполнился густыми, сытными ароматами горячей сдобы и жарящегося мяса. Им помогала Марта, старшая сестра Сары.

Все готовились к ярмарке. Я искренне радовалась этому

оживлению. Видя, как ждут праздника родные, как светлеют их лица, я и сама невольно заразилась этим беззаботным весельем.

Кристофер облачился в свой лучший дублет, выгодно подчеркивающий его столичную статью. Уильям тоже надел добротный праздничный наряд. Вся семья преобразилась, и я с не меньшей тщательностью выбирала себе платье. Это был мой первый выход в свет, первое настоящее торжество в этом веке. Мне хотелось выглядеть безупречно.

Когда я была уже почти собрана и поправляла волосы перед зеркалом, дверь тихо скрипнула. В комнату вошла Джоан.

Увидев меня, она замерла. На её губах заиграла грустная, но полная безграничной любви улыбка. Она медленно подошла, ласково коснулась моих волос, поправляя выбившуюся прядь, и тихо произнесла:

— Ты прекрасно выглядишь, Авелин. Истинное заглаженье.

Я улыбнулась ей в ответ, но сразу заметила, что в её глазах таится глубокая печаль. Конечно, в такой праздничный день материнское сердце разрывалось от мысли, что её истинной дочери нет рядом, что она навеки заперта по ту сторону зеркального стекла.

— Я понимаю, Джоан. Я вижу вашу грусть. Вам больно оттого, что Авелин не может надеть это платье и разделить с вами это торжество. Но я хочу, чтобы вы знали: я ощущаю

её присутствие. Она здесь, с нами. Каждое мгновение. И я чувствую, как она тоже радуется этому дню через меня.

Я взяла её теплую ладонь в свои руки и крепко сжала:

— Мне бы очень хотелось, чтобы сегодня вы могли поговорить, увидеть друг друга в отражении. Но вы же помните строгий наказ Балдрика: тревожить эту грань слишком часто нельзя. Связь отнимает у неё последние силы.

— Знаю, милая, знаю, — Джоан понимающе кивнула, тепло и смахивая непрошеную слезу. — Не тревожься о моих слезах. Слава Господу, что она жива. Превыше всего то, что душа её не сгинула во мраке.

Она помолчала и вдруг тихо, с надрывом призналась:

— Сказать по правде... Поначалу, когда ты только появилась и открыла мне правду, мое сердце едва не остановилось от леденящего ужаса. Я страшилась, что ты — злой дух, похитивший тело моей дочери, чтобы погубить её. Но время шло, и я разглядела твою истинную суть. В тебе нет зла. Ты так похожа на мою Авелин.

Она посмотрела на меня с пронзительной материнской нежностью:

— И теперь мое сердце болит вдвойне. За неё — потому что она там, во тьме. И за тебя — потому что ты здесь, так далеко от своей семьи, от своего родного дома.

Я тяжело вздохнула. Эти слова тронули меня до глубины души. В порыве искренних чувств я потянулась к ней и крепко обняла:

— Благодарю вас, Джоан. Благодарю за эти слова. Но прошу, не тревожьтесь обо мне. Для меня это... сродни долгому странствию. Важный долг, который я обязана исполнить.

Я немного отстранилась и заглянула в её добрые карие глаза:

— Конечно, я тоскую по дому. Очень тоскую. Но превыше всего я желаю всё исправить и вернуть каждую из нас на свое место. А пока я здесь... мне так тепло под вашим кровом. Вы стали для меня по-настоящему родными. Я и впрямь чувствую себя частью вашей семьи.

Мы еще раз крепко обнялись, незримо скрепляя наш союз.

— Но довольно слез, — слабо улыбнулась Джоан, аккуратно промокая глаза платком. — Нас уже ждали. Идем.

Она вышла, а я, нанеся на запястья каплю терпких масляных духов, решительно направилась вниз.

Внизу у лестницы меня уже ждали мужчины. Уильям держал на руках маленькую Клару, а рядом стоял Кристофер, нетерпеливо постукивая пальцами по резным дубовым перилам.

Увидев меня, Клара расплылась в милой улыбке и радостно потянула пухлые ручки. Я с удивлением заметила, что девочка одета совсем по-домашнему.

— Мадам, — обратилась я к Джоан, сходя с последней ступеньки. — А отчего Клара не одета для выезда?

Джоан покачала головой:

— Лучше оставим малютку дома с Мартой, она за ней присмотрит. Младенцу не место на ярмарке, Авелин. Там слишком шумно, тесно и полно людей со всей округи. Она быстро устанет и испугается. К тому же в такой толпе небезопасно — мало ли, подхватит какую хворобу или кто-нибудь посмотрит на неё недобрым глазом.

Я поспешила войти в роль заботливой матери:

— Да, вы правы. Конечно. Ей будет куда спокойнее в своей колыбели.

Я повернулась к служанке, скромно стоявшей в тени:

— Марта, подойди ко мне.

Женщина тут же оказалась рядом, учтиво склонив голову:

— Да, госпожа?

Я забрала Клару из рук Уильяма и передала её служанке, бережно поцеловав дочку в теплую щечку:

— Глаз с неё не спускай. Накорми вовремя и уложи спать в положенный час. И следи, чтобы малышке не было холодно. Я знаю, тебе не впервой за ней присматривать, но материнское сердце всё равно не на месте...

Марта присела в легком реверансе с доброй, понимающей улыбкой:

— Не извольте беспокоиться, госпожа. Ни на шаг от нее не отойду. Отправляйтесь со спокойным сердцем.

Успокоенные, мы вышли из дома навстречу свежему осеннему ветру. Уильям и Джоан чинно вышагивали впереди, направляясь к экипажу и обсуждая предстоящие покупки, а мы

с Кристофером шли следом.

Кристофер молчал всю дорогу от крыльца, но дойдя до ворот вдруг повернулся ко мне. Его взгляд скользнул по моему платью, задержавшись на лице.

— Прекрасно выглядишь, Авелин, — произнес он, и в его голосе не было привычной насмешки, лишь искреннее восхищение. — Долго наряжалась, чтобы предстать такой красавицей?

Я картинно вздохнула, всем своим видом выражая снисхождение, но уголки губ всё же дрогнули в улыбке:

— Уж не так долго, как ты, поверь. Хотя я и женщина, но, судя по твоему безупречному наряду, ты провел перед зеркалом куда больше времени.

Я красноречиво кивнула на его роскошный бархатный дублет и поддразнила:

— Решил затмить всех щеголей на ярмарке? Или едешь присматривать себе невесту?

Кристофер усмехнулся, но улыбка не коснулась его янтарных глаз. Он глухо хмыкнул и небрежно повел плечами:

— Нет, что ты. Брак не входит в мои помыслы.

Я искренне удивилась такой категоричности. В его возрасте и с его положением мужчины обычно уже обзаводились семьями и наследниками.

— Это отчего же? — спросила я.

Он остановился, глядя мне прямо в глаза, и его красивое лицо стало пугающе серьезным:

— Не знаю. Может, оттого, что мое сердце несвободно.

— Несвободно? — переспросила я, чувствуя, как между нами внезапно повисло густое напряжение.

— Да, — тихо, почти шепотом ответил он, и его голос прозвучал с неожиданной, обжигающей горечью. — Оно уже принадлежит одной леди.

Я на миг растерялась, пытаюсь разгадать его потемневший взгляд, и тихо спросила:

— Интересно, кто же она? Я её знаю?

Кристофер грустно, одними уголками губ, улыбнулся и ответил, глядя куда-то сквозь меня:

— Возможно, да. А возможно, и нет... Но, скорее всего — нет.

Я уже набрала в грудь воздуха, чтобы расспросить его, испытать эту тайну, но раскатистый бас Уильяма прервал нашу беседу.

— Что вы там застыли?! — крикнул он, высунувшись из повозки и нетерпеливо постукивая по деревянному борту. — Эй, вы двое! Хватит попусту болтать! Поторапливайтесь! Солнце ждать не станет, да и лучшие товары разберут, если мы будем так мешкать!

Кристофер ничего не добавил. Он лишь мотнул головой, словно сбрасывая наваждение, и быстрым шагом направился к своему каштановому коню, легко вскочив в седло. Я же заняла место в экипаже с родителями, повозка тронулась, и мы отправились навстречу ярмарочной суете.

Дорога оказалась недолгой. Всю поездку я сидела молча под мерный стук колес, пока Уильям и Джоан обсуждали, в каких рядах лучше покупать сукно, а где — привозные пряности.

Но стоило нам подъехать к городской площади, как все тяжелые думы вылетели у меня из головы.

Мы прибыли на ярмарку.

Ещё не успев выйти из экипажа, я услышала гул. Это был не привычный мне механический шум, а живой, многоголовый поток звуков: крики толпы, мычание скота и переливы деревянной флейты. Кристофер, спешившись, подал мне руку. Едва я ступила на землю, как меня словно окатило волной кипящей жизни.

Вокруг творилось нечто невообразимое. Вся огромная площадь была застроена пестрыми шатрами и грубыми деревянными прилавками под полосатыми навесами. Воздух был густым, насыщенным: пахло дымом костров, жареным на вертеле мясом, прелым сеном, конским потом и дорогими заморскими специями.

— Взгляни, Авелин! — радостно воскликнула Джоан, указывая куда-то в гущу толпы.

Я вертела головой, боясь упустить хоть малейшую деталь.

Мимо нас прошагал торговец с лотком на шее, зычным голосом зазывая покупателей. Чуть поодаль, на наспех сколоченном помосте, лицедеи в ярких лохмотьях разыгрывали сценку, и толпа то и дело взрывалась грубым хохотом. Spra-

ва на огромном вертеле жарили целого быка — жир капал в огонь, громко шипя и распространяя сводящий с ума аромат.

Люди... Боже, сколько здесь было людей! Простой люд в грубых холщовых рубахах, важные купцы в тяжелых бархатных дублетах, женщины в накрахмаленных белых чепцах. Всё это пестрое море двигалось, кричало, торговалось и жило полной грудью.

Для меня это было настоящим чудом. Ожившая история — не книжная, а подлинная, дышащая мне прямо в лицо. Я стояла посреди этого хаоса, широко распахнув глаза, и на моих губах блуждала восторженная, почти детская улыбка.

Внезапно я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернувшись, я встретила глазами с Кристофером. Он не смотрел ни на лицедеев, ни на заморские товары. Он внимательно, с легким прищуром изучал меня.

— Ты смотришь на всё так, будто впервые на ярмарке очутилась, — медленно произнес он, и в его голосе явственно прозвучала нотка подозрения. — Какое у тебя... странное поведение.

Меня словно окатило ледяной водой. Я слишком увлеклась! Для истинной Авелин, выросшей в этих краях, ярмарка была делом привычным, а я глазела по сторонам, словно неотесанная дикарка, впервые попавшая в большой город.

Я ответила мгновенно, не давая себе времени на раздумья. Слова сорвались с губ сами собой — их подсказало

острое чувство опасности:

— С тех пор как не стало Эдмунда, я словно забыла, что такое праздники, Кристофер, — мой голос слегка дрогнул, и это прозвучало пугающе естественно. — Прошлую осень я провела в строгом затворничестве, а этот день... пожалуй, первое событие, которое заставило меня выйти к людям. Я просто совсем отвыкла от подобного шума и людской суеты.

Мой голос дрогнул — и это прозвучало пугающе естественно. Упоминание о покойном муже возымело свое действие.

Кристофер мгновенно переменялся в лице. Во взгляде его мелькнуло острое чувство вины; он смущенно опустил глаза и в замешательстве коснулся ворота своего дублета:

— Ох... Прости меня, Авелин. Я не подумал. — Он мягко улыбнулся, пытаясь загладить свою оплошность. — Идем. Позволь мне просто сопровождать тебя.

Я ничего не ответила, лишь с легкой улыбкой кивнула в знак понимания.

Мы двинулись вглубь ярмарки.

Вскоре людское море разделило нас. Уильям увлек Джоан к рядам с заморскими диковинками, что-то горячо ей доказывая, а Кристофер остановился у оружейной лавки, засмотревшись на искусно выкованные эфесы кинжалов.

Я поняла: это мой шанс.

В памяти всплыли наставления Балдрика. Для проведения важного обряда ему требовался черный обсидиан. Где

же его искать, если не здесь, в самом сердце торжища?

Я чуть отстранилась от Кристофера и, воспользовавшись толчеей, незаметно скользнула в боковой ряд, где торговали украшениями и самоцветами. Глаза разбегались: массивные ожерелья, тяжелые перстни, дешевые стекляшки, выдаваемые за драгоценные камни...

Наконец я подошла к большому, пестрому шатру. Вокруг него плотным кольцом толпились женщины всех возрастов и сословий.

— Амулет на любовь! Чтобы жених на других не заглядывался!

— Камень от недоброго глаза! Кому удачу в дом?!

Торговец — тучный, с бегающими глазами — едва успевал собирать медные монеты. Ему явно было не до редких запросов.

Я протиснулась к прилавку и, пробежав взглядом по россыпи камней, ровным голосом спросила:

— Не найдется ли у вас черного обсидиана?

Торговец даже не взглянул на меня толком, полностью поглощенный богато одетой дамой, придирчиво выбиравшей ожерелье.

— Чего нет, того нет! — отмахнулся он, желая поскорее отвязаться. — Всё, что есть, перед вами. Проходите, миледи, не загораживайте товар!

Я разочарованно вздохнула. Нет так нет. Развернувшись, я уже собралась уходить, чтобы не потерять своих спутни-

ков.

— Пойдите, миледи!

Голос прозвучал сзади — мягкий, бархатистый.

Я обернулась.

Передо мной стоял молодой мужчина. Высокий, статный, с безупречно благородной осанкой. Его светлые, цвета спелой пшеницы волосы были аккуратно уложены, а дублет из дорогого тёмно-синего бархата выдавал в нём человека из весьма знатной семьи.

Но больше всего меня поразили его глаза. Тёмно-синие, глубокие, как предгрозовое небо.

Он протянул ко мне руку:

— Если не ошибаюсь, вы искали это?

В его речи не было местного тягучего говора, свойственного Джоан или Уильяму. Его произношение напоминало столичный выговор Кристофера, но звучало еще более утонченно, с едва уловимым изящным лоском континента.

Он раскрыл ладонь. На ней, мерцая темным, таинственным светом, лежал идеально гладкий обсидиан.

Я удивленно вскинула брови:

— Да... Я искала именно его. Как вы его отыскиали? Вы ведь явно не здешний купец.

Незнакомец рассмеялся — легко и открыто.

— Я стоял позади вас и слышал вашу просьбу, миледи. Этот камень лежал в самом углу, среди прочих безделушек. Нерадивый купец в суете своей был слеп и попросту его не заметил.

Я улыбнулась с искренним облегчением:

— О, благодарю вас! Вы невероятно внимательны.

Я машинально потянулась к кошельку на поясе:

— Позвольте мне возместить вам его стоимость. Я с радостью...

Мужчина изящным жестом остановил меня.

— Ни единого пенни, миледи. Прошу вас, не стоит, — он мягко, но настойчиво вложил прохладный камень в мою руку и на мгновение сжал мои пальцы своей теплой ладонью. — Примите его в дар. Сегодня День Святого Луки. Пусть этот камень принесет вам удачу.

Я растерялась.

— В этом нет необходимости... — мне было откровенно неловко принимать такой дар от совершенно незнакомого человека. — Я не могу...

В голове роились мысли: зачем этот благородный господин делает подарок совершенно незнакомой девушке? Я приглянулась ему? Или это просто светская любезность?

Но он был настойчив:

— Я смею настаивать, миледи. Это сущий пустяк, не стоящий упоминания. Было бы крайне досадно омрачить сегодняшний праздник вашим отказом.

Я невольно сжала камень в руке. Он был мне крайне необходим.

— Благодарю вас, — искренне произнесла я. — Это невероятно любезно с вашей стороны.

Мужчина отступил на полшага и, изящно склонив голову в галантном поклоне, произнес:

— Позвольте представиться, прекрасная незнакомка. Уолтер Рид.

Он выпрямился, и его улыбка стала чуть сдержаннее, словно он извинялся за свой нарядный вид:

— Я прибыл из графства Хэмпшир. Мы с матерью ведем довольно уединенную жизнь, и я помогаю ей управлять нашим поместьем. Обычно мы держимся вдали от светской суеты, но сегодня я решил выбраться на ярмарку, дабы рассеять скуку, а заодно навестить старого друга.

Он посмотрел на меня с таким искренним теплом, что я невольно расслабилась. Его рассказ звучал просто, а манеры были воистину безупречны.

— Рада знакомству, мастер Уолтер, — я, подражая местным леди, сделала изящный реверанс. — Я — Авелин. Дочь Уильяма Миддлтона...

— Дочь того самого почтенного купца Уильяма Миддлтона? — мягко подхватил он. — Наслышан. Как наслышан и о красоте здешних леди. Но, признаться честно, реальность превосходит любые слухи.

Я почувствовала, как к щекам приливает горячий румянец. Он говорил красиво, витиевато, как герой рыцарского романа. И хотя мой современный разум подсказывал, что это лишь искусная светская лесть, женскому сердцу всё равно было приятно.

— Вы мне льстите, сэр, — улыбнулась я, сжимая в руке подаренный самоцвет. — Но я безмерно благодарна вам за этот дар. Вы даже не представляете, насколько...

Договорить я не успела.

— Авелин!

Голос Кристофера прозвучал резко, словно щелчок кнута.

Я обернулась. Кристофер стоял всего в паре шагов от нас. Его лицо, обычно открытое и насмешливое, сейчас потемнело от гнева. Взгляд янтарных глаз метался между мной и незнакомцем, и в них читалась жгучая смесь подозрения и... ревности?

Он быстрым шагом преодолел разделявшее нас расстояние и встал рядом, почти касаясь моего плеча своим — откровенный жест собственника и защитника.

— Я повсюду тебя искал, — процедил он, с раздражением глядя на меня. — Мы уж решили, что ты затерялась в толпе.

И лишь после этого он медленно перевел ледяной взгляд на Уолтера:

— А кто этот джентльмен?

Уолтер ничуть не смутился. Он сохранял идеальное спокойствие и вежливую полуулыбку, хотя в его глазах мелькнул холодный, оценивающий интерес — он присматривался к сопернику.

— Уолтер Рид, к вашим услугам, — ровно ответил он. — Имел честь оказать леди Авелин небольшую любезность.

Кристофер скользнул взглядом по моей руке, в которой я всё ещё сжимала обсидиан. Желваки на его скулах нервно дрогнули.

— Мы весьма признательны вам за помощь, мастер Рид, — сухо, чеканя каждое слово, произнес Кристофер. Его чистое столичное произношение сейчас звучало особенно жестко и высокомерно. — Но леди Авелин здесь не одна. Её ждет семья. И нам пора.

Он властно взял меня под локоть:

— Идем, Авелин.

Уолтер перевел на Кристофера невозмутимый, но цепкий взгляд и с вежливой улыбкой поинтересовался:

— А с кем имею честь говорить я? Кем вы приходитесь леди Авелин, сэр?

Кристофер напрягся, его свободная рука сжалась в кулак. Он шагнул вперед, словно заслоняя меня собой от Уолтера, и с открытым вызовом бросил:

— Я — Кристофер Эшфорд. Её кузен. И тот, кто сопровождает её сегодня.

Ситуация накалялась на глазах. Два молодых, статных мужчины стояли друг напротив друга, словно два готовых к прыжку волка. Один — темноволосый, вспыльчивый, до боли знакомый. Другой — светлый, невозмутимый и загадочный.

Я поспешила вмешаться, пока не вспыхнула открытая ссора.

— Да, Кристофер, конечно, идем. — Я мягко, но решительно высвободила локоть из его хватки, однако осталась стоять рядом с ним.

Повернувшись к Уолтеру, я вежливо кивнула ему на прощание:

— Еще раз благодарю за дар, мастер Рид.

— Был рад услужить, леди Авелин, — он снова учтиво поклонился, не сводя с меня глубоких синих глаз.

Кристофер презрительно скривил губы и, более не церемонясь, увлек меня прочь, в сторону суконных рядов, где нас ждали Уильям и Джоан.

Когда мы отошли на достаточное расстояние, Кристофер

резко выдохнул:

— «Имел честь»... Какой напыщенный павлин. Разговаривает так, будто находится на приеме у самой королевы, а не стоит посреди конского навоза.

Я промолчала, крепко сжимая в ладони холодный обсидиан. Кристофер откровенно злился, а мне... мне этот «павлин» показался на удивление интересным.

— И кто этот щеголь? — не унимался Кристофер.

— Он из соседнего графства — Хэмпшира, — спокойно ответила я, надежно пряча свою драгоценную находку в поясной кошель. — И он был воистину учтив, в отличие от иных моих спутников.

— Учтив? — Кристофер криво усмехнулся, но его глаза оставались тревожными и колючими. — Слишком уж гладкие у него речи. И смотрит он на тебя так, будто ты... его добыча.

Я лишь изящно повела плечом, не желая спорить, но внутри уже поселилось странное, будоражащее чувство. Этот Уолтер Рид... Он определенно умел производить впечатление.

Обратный путь прошел в тишине. Кристофер, как и прежде, ехал верхом, мрачно глядя перед собой. А я, пока наш экипаж мерно покачивался на ухабах, бережно нащупывала сквозь плотную ткань кошель заветный камень, делая вид, будто полностью поглощена проплывающими мимо осенними полями. Уильям и Джоан, довольные покупками, ничего не замечали, увлеченно обсуждая добротность при-

обретенного сукна.

Едва мы переступили порог дома, я поспешила наверх, в детские покои.

— Как она, Марта? — вполголоса спросила я у служанки.

— Спит, словно ангел небесный, госпожа, — почтительно отозвалась женщина. — Поела и тут же закрыла глазки.

Мы с Джоан склонились над колыбелью. Малышка спала безмятежно, раскинув пухлые ручки. Поправив шерстяное покрывало, Джоан ласково коснулась щечки внучки. Казалось, этот долгий, полный впечатлений день плавно близится к своему завершению.

Вскоре мы спустились в гостиную к обильному ужину. Я искренне полагала, что после сытной трапезы нас ждет лишь тихий семейный покой. Но стоило слугам убрать со стола опустевшие блюда, как Уильям, уже успевший вновь наполнить свой кубок пряным вином, громко хлопнул в ладоши:

— Ну что, мои дорогие? Рано еще расходиться по своим покоем! — Его глаза блестели веселым азартом и отцовским теплом. — Торжество в честь Святого Луки только вступает в свои права! Я не желаю сидеть в этот вечер дома. Моя дочь сегодня словно заново родилась: на ярмарке я наконец-то увидел, как она улыбается, как искренне радуется жизни. Прошлый праздник мы пропустили из-за траура, просидев в четырех стенах, но в этот раз я не позволю нам и ей упустить веселье. Собирайтесь, нас уже заждались наши славные соседи и добрые друзья!

Я растерялась. Мой разум пребывал в полной уверенности, что ярмарка — это и есть всё празднество. Чтобы не выдать себя неосторожным вопросом, я незаметно приблизилась к Джоан и, делая вид, будто поправляю складки её накидки, едва слышно прошептала:

— Джоан, о чем он? Разве праздник не окончен? Ведь на дворе уже глухая ночь...

Джоан так же тихо, едва шевеля губами, ответила мне:

— Что ты, дитя мое. В День Святого Луки веселье длится до самого рассвета. Таков старинный обычай: жечь костры, петь и танцевать под открытым небом.

Тревога холодной змейкой скользнула по моей спине.

— Но если там соберутся соседи и знакомые... — зашептала я, лихорадочно подбирая слова. — Вдруг кто-то из них ко мне подойдет, а я не вспомню лица или имени? Я же могу оплошать и выставить себя в дурном свете.

Джоан понимающе улыбнулась и ласково сжала мои пальцы:

— Не волнуйся об этом. Я буду всё время рядом с тобой и ни на шаг не отойду. Если кто-то подойдет, я сама заговорю первой и назову его имя, чтобы не возникло никакой неловкости.

Она заговорщически подмигнула мне и уже громче, обращаясь к мужу, весело добавила:

— Ты совершенно прав, дорогой! Было бы непростительным грехом спать в такую ночь. Идемте же!

Я перевела взгляд на Кристофера. Он замер у прихожей, всё еще немного хмурясь после стычки с Уолтером, но при словах о ночном гулянье в его янтарных глазах зажглись насмешливые огоньки. Он снял с резного крюка мой плотный шерстяной плащ, накинул его мне на плечи и с привычной усмешкой шепнул:

— Запахнись теплее, Авелин. Нас ждет ночной холод. Но помни: если ты посмеешь оттоптать мне ноги во время танцев, я объявлю всему городу, что моя кухня оглушительно храпит по ночам.

Я возмущенно фыркнула и, недолго думая, от души ткнула его локтем под ребра.

Кристофер картинно охнул и согнулся, схватившись за бок, всем своим видом изображая смертельно раненого рыцаря.

Джоан, уже стоявшая у дверей, тут же обернулась:

— Что такое, Кристофер? Что случилось?

— Нет-нет, всё в полном порядке, тетя, — мгновенно выправившись, лучезарно отозвался он. — Просто оступился.

Я едва сдержала смех, поймав его озорной взгляд. Улыбаясь, мы шагнули за порог.

Воздух был холодным и звонким, напоенным ароматами дыма и опавшей листвы. Вдали, со стороны широкого луга, уже слышались звуки волынки и фиделей, доносился заливистый смех, а отблески огромного пламени окрашивали черное небо в густой оранжевый цвет.

Уильям, несмотря на свои годы, шел впереди уверенно и бодро. В этих краях его знали и уважали все: от простых ремесленников до зажиточных фермеров. По словам Джоан, он никогда не смотрел на людей свысока, справедливо полагая, что доброе имя купца и процветание его семьи неразрывно связаны с уважением соседей. Поэтому, стоило нам приблизиться к лугу, как праздничная суeta на мгновение стихла, и в его сторону полетели радостные приветственные возгласы.

Уильям, широко улыбаясь, распорядился, чтобы слуги выкатили к костру бочонок отборного эля из наших погребов. Оказывается, это было его давней традицией, и по толпе тотчас пронесся восторженный гул. Нас приняли как самых дорогих гостей. Кристофер помог Джоан устроиться на заранее подготовленных скамьях, устланных грубыми, но теплыми шерстяными покрывалами — чуть поодаль от невыносимого жара, но в самом центре всеобщего внимания.

Оглядевшись, я поняла, что сидеть чинно на месте не собираюсь. Мне хотелось прочувствовать этот праздник до последней искры, раствориться в его шуме и веселье.

Передо мной раскинулась завораживающая картина. Посреди поляны полыхал огромный костер, искры от которого улетали прямо к звездам. Сословные границы в эту ночь словно растворились в тепле пламени.

Едва мы устроились, как нас заметили. Навстречу, проворно расталкивая толпу, уже спешила наша соседка, госпожа Анна — статная женщина с румяными, как наливные яб-

лочки, щеками. За ней, едва поспевая, семенила её дочь Розали.

У меня внутри всё сжалось.

Розали... Джоан рассказывала, что они с Авелин были очень близки, росли и играли вместе. Весь этот месяц я старательно избегала встреч с ней, прячась за надежными стенами нашего дома.

К моему огромному счастью, настоящая Авелин еще до моего появления — сразу после гибели Эдмунда — отгородилась от всего мира. Она ушла в тень, замкнулась в себе и почти ни с кем не общалась. И это невероятно сыграло мне на руку! Боюсь даже представить, как бы я отбивалась от старых друзей и привязчивых соседей, не будь у меня столь безупречного предлога.

Но сейчас бежать было некуда.

Розали, даже не дав матери времени на чинные приветствия, налетела на меня, словно вихрь.

Это была девушка-солнце: светло-каштановые кудри выбивались из-под чепца, на носу рассыпались задорные веснушки, а большие зеленые глаза сияли неумемной энергией. Она решительно подхватила меня под руку, увлекая подальше от отца и Джоан.

— Авелин! Наконец-то! — воскликнула она, и в её голосе искренняя радость смешивалась с легким упреком.

Заметив, что я ступаю неуверенно, она остановилась, крепко сжала мои ладони в своих и заговорила горячо, с

мольбой:

— Хватит тебе, Авелин! Умоляю, сбрось с души эту тяжесть хотя бы сегодня. Того, кого забрал Господь, никакими слезами уже не вернуть, а себя ты лишь изводишь понапрасну.

Она заглянула мне прямо в глаза, отчаянно пытаясь достучаться до той подруги, которую знала с детства:

— Эдмунду на небесах вряд ли бы понравилось, что ты увядаешь от тоски. Не пристало живым хоронить себя раньше времени. Отбрось печаль, повеселись с нами! Верни нам нашу прежнюю Авелин — хотя бы на этот вечер!

Я невольно улыбнулась её обжигающей искренности.

— Хорошо, Розали, — выдохнула я, чувствуя, как отступает страх быть разоблаченной. — Ты права. Обещаю побыть прежней, но только на сегодняшний вечер.

— И этого более чем достаточно! — воскликнула она, подпрыгнув от радости, и со звонким смехом потянула меня к костру.

Мы с разбегу влились в круг танцующих. Музыка гремела: визг скрипок, переливы флейт и глухие удары барабанов сливались в единый пульсирующий ритм. Мы взялись за руки с другими юношами и девушками, и хоровод завертел нас, увлекая в самое сердце безудержного веселья.

Розали хохотала, переключаясь с соседями, я же старалась не отставать, повторяя быстрые шаги за остальными. Жар костра обжигал лицо, осенний ветер охлаждал спину — это бы-

ло пьянящее, первобытное чувство свободы.

В какой-то миг чьи-то сильные руки решительно разомкнули цепочку рядом со мной, крепко перехватили мою ладонь, и новый танцор вклинился в наш круг.

Кристофер!

Высмотрев меня в толпе, он не упустил случая присоединиться к веселью. Его глаза горели азартом.

— А вот и я! Думали веселиться без меня? — со смехом крикнул он, увлекая меня в танец.

Он начал сыпать шутками прямо на ходу, строя Розали забавные гримасы и заставляя нас обоих смеяться до слез. Мы кружились, притопывали, менялись партнерами, и в этом бе-

шеном ритме старинного танца я наконец почувствовала себя живой.

Праздник был в самом разгаре. Смычки яростно плясали по струнам, костер яростно трещал, взметая снопы искр в черное небо, люди кружились в неистовом упоении. Всё было ярко, громко, стихийно.

Мне и впрямь было легко — впервые за долгое время. Но стоило мне на миг остановиться, чтобы перевести дух, как радость внезапно сменилась щемящей, ледяной тоской. Глядя на счастливые, разрумянившиеся лица Розали и Кристофера, на этот спасительный круг света и тепла, я вдруг остро вспомнила о своих. О девочках, запертых в кристальной тюрьме, которые ждут моего спасения. О том, что мое истинное место не здесь, не в этом празднике чужой жизни, а во тьме — в жестокой борьбе за их похищенные души.

Спустя полчаса ноги загудели с непривычки. Выбившись из сил, я отделилась от хоровода и отошла в тень, подальше от жара огня и шума толпы.

У большого, наспех сколоченного стола стояла одна из местных женщин, разливая эль из пузатых бочонков.

— Жажда одолела, леди Авелин? — добродушно спросила она, заметив мою одышку.

Я лишь кивнула, не в силах перекричать музыку. Женщина зачерпнула ковшом прохладной колодезной воды из стоявшей рядом бадьи и подала мне полную глиняную кружку.

Я жадно припала к краю. И в этот миг, поверх него, мой

взгляд выхватил из пестрой толпы знакомый силуэт.

Он стоял поодаль, под сенью деревьев, скрестив руки на груди, и смотрел прямо на меня. На его губах играла легкая, едва уловимая улыбка.

Уолтер.

От неожиданности я поперхнулась водой и тихо закашлялась. Заметив, что я его увидела, он неспешно отделился от тени и подошел ко мне.

— Добрый вечер, миледи, — произнес он своим бархатым голосом. — Счастлив, что судьба вновь свела нас.

Я аккуратно промокнула губы льняным платком, стараясь унять внезапно участившееся сердцебиение.

— Что привело вас сюда, мастер Уолтер? — спросила я прямо. — Вы ведь говорили, что прибыли из другого графства.

Он чуть склонил голову, словно признавая свое маленькое лукавство, а затем поднял на меня свой глубокий, спокойный взгляд:

— Сегодня особенная ночь, леди Авелин. Костры горят по всей округе. Здесь у меня есть добрые приятели, и я просто не мог не заглянуть к ним, чтобы взглянуть на всеобщее веселье. И, признаться честно, я безмерно рад, что звезды распорядились так удачно, позволив мне снова встретить вас.

Я учтиво кивнула, принимая ответ, хотя что-то в его речах по-прежнему казалось мне... слишком уж гладким.

— Отчего вы не в кругу? — спросила я, кивнув на танцу-

ющих у огня. — Почему не веселитесь со всеми?

Уолтер мягко усмехнулся и покачал головой:

— Благодарю вас, но подобные забавы не для меня. Я не слишком хорош в шумных сельских плясках. Признаться, я предпочитаю наблюдать со стороны.

Глядя на него, я понимала, что он скроен из совершенно иной материи, нежели Кристофер. Кристофер был душой толпы, самым обжигающим огнем. Уолтер же казался глубокой, темной водой, воплощением абсолютного спокойствия и сдержанности.

Он помолчал мгновение, внимательно изучая мое лицо, а затем задал вопрос, который застал меня врасплох:

— Позвольте спросить, леди Авелин... Свободно ли ваше сердце, или же есть тот, кто имеет честь называть вас своей возлюбленной?

Я замерла. Вопрос был неслыханно дерзким для едва знакомого джентльмена, но в его тоне звучало столько искреннего почтения, что оскорбиться было попросту невозможно.

— У меня никого нет, мастер Уолтер, — тихо ответила я, пряча взгляд. — Я вдова. Господь призвал моего мужа к себе слишком рано.

На лице Уолтера отразилось искреннее удивление, мгновенно сменившееся глубоким сожалением.

— О... Прошу меня простить, — он шагнул ближе, и голос его стал заметно тише и мягче. — Я не желал растревожить ваши раны. Я и помыслить не мог, что столь юная и

прекрасная леди уже познала горечь утраты. Это... воистину печально.

Я не нашла, что ответить, лишь смущенно поправила край рукава. Молчание затягивалось, и я поспешила сменить тему:

— Так где же ваши друзья, мастер Уолтер? Раз вы приехали к ним, почему стоите в тени, словно чужак?

Он слегка повел широкими плечами и лениво оглянулся по сторонам, словно ища кого-то в танцующей толпе:

— Они были здесь всего мгновение назад. Видимо, музыка увлекла их, и они оставили меня на произвол судьбы.

В этот миг боковым зрением я уловила резкое движение. Кристофер.

Он заметил нас.

Его лицо, еще секунду назад сиявшее беззаботной улыбкой, мгновенно окаменело. Темные брови вновь сошлись на переносице, в глазах вспыхнул недобрый огонь. Он вырвался из хоровода и быстрым, тяжелым шагом направился к нам, готовый смести всё на своем пути.

Подойдя вплотную, он встал между мной и Уолтером, свирепо глядя на него.

— Снова вы? — процедил он, не скрывая враждебности. — Не слишком ли часто вы попадаетесь нам на глаза сегодня, мастер Рид? Две встречи за один день — не многовато ли для случайности?

Уолтер и бровью не повел. Он выдержал агрессивный

взгляд Кристофера с ледяным спокойствием, лишь уголок его губ чуть дрогнул в тонкой, покровительственной усмешке.

— Я, как и все хорошие люди, пришел на праздник, — ровно ответил он. — Вы имеете что-то против моего присутствия, сэр?

Кристофера, казалось, больше всего приводило в ярость даже не само присутствие чужака, а его непробиваемое хладнокровие и эта раздражающая, истинно аристократичная самоуверенность.

Он угрожающе подался вперед:

— Ничего против вашего веселья я не имею. Но избавьте нас от своего навязчивого внимания. Не пристало вам искать общества моей кузины.

Уолтер мягко начал было:

— А что дурного в том, если...

Но Кристофер даже не дал ему договорить. Он грубо перебил его, рубя слова, словно топором:

— Эта молодая леди недавно овдовела! У неё на руках маленькая дочь! Ей сейчас совершенно не до пустых бесед с заезжими джентльменами!

Меня захлестнула горячая волна возмущения.

Кристофер переходил все границы. Да, я — не настоящая Авелин, но даже если говорить о ней... Неужели она обязана похоронить себя заживо? Она молодая, красивая женщина. Неужели ей суждено всю жизнь просидеть в четырех сте-

нах, оплакивая прошлое, и до конца своих дней сторониться мужского общества? Она имеет право на счастье, на новую жизнь, на невинную беседу с таким галантным джентльменом, как Уолтер.

Я мягким, успокаивающим движением коснулась руки кузена:

— Кристофер, довольно. Всё хорошо. Не горячись так.

Он бросил на меня резкий, почти злой взгляд, но промолчал.

В этот момент Уолтер посмотрел сначала на него, затем перевел взгляд на меня и тихо, но так, чтобы Кристофер слышал каждое слово, произнес:

— А может, леди сама решит, с кем ей вести беседы? Полагаю, она в том возрасте и в том статусе, чтобы распоряжаться своей судьбой самостоятельно. А вам, как любящему кузену, следует лишь оберегать её покой, а не принимать решения за неё.

Это был меткий удар в самое больное место.

Я взглянула на Кристофера. Желваки на его скулах ходили ходуном, а рука непроизвольно дернулась к рукояти кинжала на поясе. Я с ужасом поняла: еще одно неосторожное слово, и этот разговор не приведет ни к чему хорошему.

Я крепко ухватила Кристофера за локоть и потянула за собой:

— Кристофер, идем. Кажется, нам действительно пора.

Увидев мое замешательство, Уолтер вновь проявил ис-

тинно рыцарское благородство. Он учтиво склонил голову:
— Ни в коем случае, миледи. Не стоит вам покидать праздник из-за меня. Я не прошу себе, если омрачу вам этот вечер.

Он выпрямился и с легкой, почти печальной улыбкой посмотрел на меня:

— Я и сам собирался уходить. Раз уж я стал причиной такой неловкости... Прошу простить мою навязчивость.

Больше не сказав ни слова, он отвесил безупречный прощальный поклон, резко развернулся и твердым шагом растворился в темноте, оставив нас в звенящем напряжении.

Как только фигура Уолтера скрылась во мраке и я убедилась, что нас никто не услышит, я резко повернулась к Кристоферу. В это мгновение мне показалось, что я больше не делю это тело с чужой душой. Я почувствовала себя... собой. И подобного отношения к себе я терпеть не собиралась. Ярость закипела во мне, требуя немедленного выхода. Я схватила его за рукав дублета и с силой дернула на себя:

— Что ты творишь, Кристофер?! — прошипела я. — Ты совсем лишился рассудка? Что за безобразную сцену ты сейчас устроил?

Кристофер смотрел на меня, тяжело дыша; грудь его всё еще порывисто вздымалась от сдерживаемого гнева.

— Сцену? — переспросил он глухо.

— Именно! — я не отступала. — Джентльмен просто проявил вежливость, а ты едва не бросился на него с кулаками,

словно на дворового пса!

Кристофер уставился на меня глазами, полными жгучего, неподдельного возмущения:

— Вежливость?! И в чем же его вежливость, Авелин? В том, что он кружил вокруг тебя, точно стервятник, выискивая слабое место?

— А что в этом дурного, Кристофер? — я повысила голос, уже не заботясь о том, что нас могут услышать. — Что преступного в том, что он хотел познакомиться?

Этот прямой вопрос словно пробил брешь в его невидимой броне. Весь его воинственный запал вдруг иссяк. Плечи, только что напряженные и готовые к драке, бессильно опустились. Он словно потух изнутри и отвел взгляд.

— Нет... — тихо, почти виновато произнес он. — Ничего дурного в этом нет.

Но я не дала ему уйти от ответа:

— Тебе неприятно, что кто-то проявляет ко мне интерес? Отчего же? Потому что я вдова? Потому что я несчастная мать, чья жизнь уже окончена?

Кристоферу становилось всё более неловко. Он выглядел растерянным, словно мальчишка, которого сурово отчитали за самоуправство.

— Нет, нет, что ты, Авелин... — он замялся, мучительно подбирая слова. — Просто я полагал, что ты... Я думал, что после смерти Эдмунда тебе неприятна мысль о беседе с мужчиной. Что ты не желаешь никаких новых знакомств,

что тебе больно. Я просто хотел оградить тебя, думал, ты не знаешь, как отделаться от навязчивого ухажера... Я хотел как лучше. У него на лице написаны дурные намерения...

— Кристофер, это не твоя забота — с кем я желаю знакомиться, а с кем нет! — жестко оборвала я его сбивчивые оправдания.

Я сделала шаг к нему, заглядывая прямо в янтарные глаза:

— Да, у меня есть дочь. Да, я любила Эдмунда всем сердцем. Да, я всё еще скорблю по нему... Но жизнь продолжается, Кристофер! Я ведь не сошла с ним в одну могилу! Ты не можешь всякий раз вставать каменной стеной между мной и целым миром. Если мне будет неприятно чье-то общество, я сама в силах уйти или ответить отказом. Не смей впредь устраивать подобных сцен.

Мои слова явно задели его за живое. В его глазах мелькнула боль — острая, глубокая, тщательно затаенная. Он нахмурился, словно от хлесткой пощечины, и отступил на полшага назад. Между нами повисла тяжелая, удушливая тишина.

— Да... — наконец выдавил он, не глядя на меня. — Ты права, Авелин. Прости.

Его голос звучал глухо и неестественно пусто.

— Я сглупил. Это было... слишком самонадеянно с моей стороны. Прости меня.

Он еще раз коротко кивнул, словно ставя невидимую точку, резко развернулся и быстро зашагал прочь, в сторону

скрытых во мраке деревьев, оставив меня совершенно одну на краю веселящейся толпы.

Глядя в спину удаляющемуся Кристоферу, я испытывала странную, противоречивую бурю чувств. С одной стороны — невероятное облегчение от того, что этот тягостный разговор наконец завершился. С другой — меня снедало жгучее чувство вины. Я говорила резко, била по самому больному, но... я искренне не могла его понять.

Отчего он так вел себя?

Если он влюблен в Авелин, почему молчал столько лет? Или не молчал? Может, Авелин знает про его чувства? Они ведь выросли вместе. За всё то время, что я провела в этом теле, в его поведении не было ни единого прямого намека, ни одного взгляда, который выдал бы истинно влюбленного мужчину. Скорее, это походило на удушающую опеку ревнивого старшего брата.

Но даже для брата это переходило всякие границы. В особенности — для меня настоящей.

В моем мире у меня тоже были двоюродные братья. Мы дружили, тепло общались, но мне бы и в голову не пришло позволить им решать, с кем мне заводить беседы, а кого избегать. Это была моя личная свобода. Мое неотъемлемое право.

К своим годам я жила почти затворницей во всем, что касалось сердечных дел. У меня не было серьезных отношений. Лишь одно мимолетное знакомство, не оставившее в душе и

следа, да та привязанность в университете... Поначалу я верила, что нашла истинную любовь, что всё это всерьез. Но вскоре оказалось, что он вовсе не тот человек, и это было далеко не то чувство, о котором я грезила. После этого я закрылась в себе. Больше я никого не подпускала близко, потому что ни к кому не испытывала того самого всепоглощающего трепета — замирания сердца, которое я так надеялась ощутить при взгляде на любимого.

И вот сейчас, стоя посреди шумного старинного праздника, я совершенно не понимала саму себя.

Мне ведь должен быть абсолютно безразличен Уолтер Рид. Мы из разных эпох, из разных миров. Даже если он мне чем-то приглянулся — у нас нет и не может быть будущего. Я здесь лишь временная гостья.

Но, возможно... возможно, я просто прокладываю дорогу для неё? Для настоящей Авелин? Быть может, когда я соберу все камни, спасу своих подруг и навсегда покину этот мир, она соединит свою судьбу с этим галантным джентльменом и обретет долгожданное счастье? В конце концов, не суждено же ей всю жизнь оплакивать Эдмунда в четырех стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.